

**ХАРИТОН
МАМБУРИН**

**ОПАЛЛА
НА ПОВОДКЕ**

Добрым демоном и револьвером

Харитон Мамбурин

Опала на поводке. Книга первая

«Автор»

2024

Мамбурин Х. Б.

Опала на поводке. Книга первая / Х. Б. Мамбурин — «Автор», 2024 — (Добрый демоном и револьвером)

В этом мире нет нефти и газа, зато есть эфир. Эра насыщенного эфиром пара, начала индустриализации и железных дорог. Сам мир – кривое отражение того, что я помнил из прошлой жизни, здесь те же страны, те же религии, но все совершенно иначе. Жуткие Бури, уносящие и приносящие души, мерзкая миазма, порождающая невиданных монстров, таинственные знания и умения аристократических родов. Это – самая верхушка айсберга, которым сейчас представляется моя жизнь. Отстранен от родового гнезда, практически изгнан, выселен с невероятным заданием в другую страну. Что же, видимо, пришла пора доказать, что один в поле – тоже воин. Верный револьвер, немного демонов, хорошо вооруженные слуги, могущественные друзья, а главное – солидное количество взрывчатки и денег... этого определенно должно хватить, чтобы доказать всем и каждому, что Алистер Эмберхарт справится с чем угодно!

© Мамбурин Х. Б., 2024

© Автор, 2024

Харитон Мамбурин

Опала на поводке. Книга первая

Пролог

Ахейские свечи, как и янтарные факелы – далеко не самый лучший источник освещения. По эффективности они бы с треском проиграли даже газовым филеновым фонарям, которые последние три сотни лет мог себе позволить любой добрый англичанин с доходом от пяти фунтов в месяц. Не стоит даже пытаться сравнить эти архаизмы и их тускловатый свет с новомодными французскими трубками-люминариями, уже с десятков лет как плотно оккупировавшими все здания цивилизованного мира. А если уж говорить про известность...

Нет. Источники освещения, такие как «янтарные факелы» и «ахейские свечи», были известны очень узкому кругу представителей человечества. Настолько узкому и маленькому, что его можно было бы счесть статистической погрешностью на фоне всего остального рода прямоходящих и разумных, если бы не одно «но»...

Этот круг состоял из самых могущественных людей мира. И большинство из них, если бы они могли себе позволить – то с легкостью бы убили за такой факел или свечу. Или предали. Или расстались с парой-другой пальцев. Не все из них, конечно... но большинство. Большинство из меньшинства.

Увы, столь легкие способы обретения желаемого источника света были совершенно недоступны.

Что при этом было в высшей степени иронично, «янтарные факела» и «ахейские свечи» способны были лишь давать свет и немного тепла, как и полагается самым обычным осветительным приборам. Правда – вечно, и безо всякого обслуживания, но разве может такая мелочь сделать осветительный прибор столь желанным для особ, которые вряд ли посчитают даже покупку межконтинентального дирижабля модели «Клаузер» серьезной тратой? Ну или шведского ударного крейсера «Холланд»?

Даже одна свеча, стоящая на столе в кабинете или факел, горящий в подвальной мастерской – были показателями статуса. Особенного, желаемого... элитного. Знаком принадлежности к кругу тех, кто управляет судьбами мира. Возможности тех людей, в чьих домах горела ахейская свеча, были куда шире, чем у того большинства, кто даже не знал об их существовании. Но стоит внести ясность – не все из владельцев ахейских свеч обладали огромным могуществом и влиянием, далеко не все. Можно сказать иначе – владение подобным атрибутом лишь предоставляло... доступ к возможностям, за которые нужно было платить. Не всегда деньгами.

Что еще более иронично, несмотря на всю вопиющую бесценность этих бесспорно великих сокровищ, владение вторым экземпляром осветительного прибора... не давало ничего. Кроме света и небольшого количества тепла. Символы, у них свои правила.

На территории старушки Британии таких огромных черных замков было ровно пять. Темные мрачные колоссы с десятками готических шпилей прятались за стены, превышающие три десятка метров – гладкие, блестящие, неприступные. К каждому из таких замков, зани-

мавшему территории, на которой мог бы разместиться малый английский городок, вела лишь одна старая, мощеная камнем дорога. Презрительно заросшая, надо сказать, так как пользовались ей редко.

Про черные исполины, построенные в незапамятные времена, ходило множество легенд и преданий, домыслов и слухов, но за сотни и тысячи лет человеческой памяти целиком подтвержденными были лишь два факта. Первый – замки были обитаемы. С помощью телескопов, эфирных теле-визоров, летающих химер и прочих инструментов любопытного человечества было доподлинно установлено, что каждый из пяти английских замков обитаем. В окнах периодически горел свет, и даже, очень изредка, можно было заметитьдвигающиеся фигуры. Что насчет факта номер два... тот был куда печальнее для проявляющих любопытство. Долго эти отважные индивидуумы не жили, а их безутешные друзья, родственники и знакомые без всяких успехов обивали пороги защитников закона и справедливости.

Ну а как иначе, если на каждом перекрестке в пределах пяти десятков верст до Черных Замков висели предупреждающие таблички, на которых красным по дереву было ясно написано английским языком, что приближаться к этим замкам английская корона настойчиво не рекомендует. Более того – не несет никакой ответственности за судьбу и жизнь нарушителей.

Разумеется, не добившись справедливости в том виде, котором они ее понимают, все эти родственники и прочие заинтересованные прибегали к иным методам, в том числе и к прямому возмездию Черным Замкам. Что опять-таки заканчивалось лишь новыми мертвыми телами. Молчаливо и спокойно, столетие за столетием, жуткие строения наработывали свою репутацию, сильно поуменив любопытство неумного человечества по отношению к себе.

Впрочем, это чувство не было чуждо и владельцам этих эпатажных строений, видевших, по словам одного смелого археолога, даже Первые Войны Кланов.

В данный момент хозяин одного из этих замков находился в своем кабинете. Камин, небольшой бар, монументальный письменный стол и несколько высоких книжных шкафов, топорщащихся корешками книг. Ничего, что выбивалось бы из образа делового кабинета английского джентльмена... ну разве что развернутое лицевой частью к сидящему за столом хозяину большое овальное зеркало в прихотливо изукрашенной металлической раме темного металла. Хотя, нужно заметить, присутствуя в этом кабинете современный английский джентльмен, то он был бы изрядно удивлен отсутствием телефонного аппарата, факсовой машины и эфировизора.

Впрочем, у аристократов, обремененных высоким положением и властью, набор подобных устройств обычно содержался у домашнего секретаря.

Но не в этом случае.

Хозяин кабинета, а заодно и замка, носил домашний коричневый в клетку костюм из мягкой шерсти. Человек был высок, несколько худощав, с глубоко прорезанными чертами лица. Расплывчато-водянистый цвет глаз, так характерный для большинства англичан, был данному джентльмену не присущ – карие, почти черные глаза утопали в глубоких глазных впадинах. Сильнее темных провалов глаз внимание привлекал острый длинный нос, гордо украшающий собой худое вытянутое лицо. Аристократ был шатеном с чуть посеребренными сединой висками, выдающими его возраст, приблизившийся к первой полусотне лет.

Положив руки на стол и скрестив длинные худые пальцы, человек ждал. Наконец, по зеркалу пошла небольшая рябь, прямо от центра – как будто кто-то тронул ставшую жидкой поверхность, пустив к краям круги. Лорд немного поднял брови в изумлении, а затем, вернув непроницаемое выражение лица, сделал сложный жест пальцами левой руки. Отражение исчезло, вместо него на остроносого аристократа воззрится атлетично сложенный человек, с пышной гривой белых волос, крупными чертами лица и светло-кариими глазами. Судя по передаваемому изображению, необычный абонент находился в очень похожем кабинете.

– Эдвин, – выдохнул остроносый и немного прищурился, – Какими судьбами? Что-то изменилось?

– Нет, Роберт, – медленно пророкотал здоровяк, – Ничего. Просто волнуюсь за дочь.

– Мне сейчас следует оскорбиться? – осведомился названный Робертом, визуально подбираясь в кресле, – У тебя есть мое слово.

– В твоём слове, – Эдвин подчеркнул фразу интонацией, – Я не сомневаюсь ничуть. Дело в том, что вы затеяли, граф. Небывалое. Шаг в неизведанное. Хватит ли у вас сил?

– Для успеха? Не думаю! Ведь это небывалое! – тут же фыркнул брюнет, заставив напрячься своего собеседника, – Но это мои проблемы. Для безопасности ненаглядной Элизы, ваша светлость? Более чем. Даже если половина Англии уйдет под воду, твоя ненаглядная дочь будет болтаться в силовом коконе над бушующими волнами и хлопать глазками!

– Ты не меняешься, Роберт, – сухо рассмеялся седой атлет, – Как и весь ваш род. Наверное, поэтому с вами так легко иметь дело. Но... и не хочется этих дел иметь. Чтобы не получить половину Англии под водой.

– Просто знай, что даже ты сейчас в большей опасности, нежели леди Элиза Мур, сидящая с моим сыном, – нахмурился остроносый.

– Ты хотел сказать... – начал седой, но был оборван остроносым.

– Пока еще – не все потеряно, Эдвин. Я намерен преуспеть!

– Но это будет не твой сын.

– Для наших планов – в достаточной степени. Он и так был четвертым, Ваша Светлость. Можно сказать, для него ничего не изменилось.

– Добрый старый Роберт. Как всегда – готов заморозить ад...

Аристократы перебросились еще несколькими фразами, но были прерваны. В дверь хозяина замка, Роберта Эмбертхарта, зашел его дворецкий. Нехарактерно и непочтительно быстрым шагом. Это могло значить только одно. С возгласом «Эдвин, мне пора!», граф Роберт Эмбертхарт, лорд черного замка Гримфейт, прервал общение по зеркалу и поднялся на ноги.

– Бертрам? – голос графа стал холоден как лед.

– Лорд Эмберхарт, сэра. Тот, кого вы ожидали, прибыл. Мастер Вайз ожидает вас в Зале Владык.

– Благодарю вас, Бертрам.

– Всегда к вашим услугам, – донеслось графу в спину.

Хозяин замка шагнул в упомянутый дворецким зал довольно торопливо – столь неподобающее для персон его уровня поведения он мог себе позволить, лишь находясь в собственной цитадели, где лишних глаз быть не могло. Что до взоров немногочисленной прислуги, то можно сказать одно – посторонних тут не было. Единственный посторонний в замке сейчас дожидался хозяина места в упомянутом Бертрамом зале владык.

Высокому антропоидному существу, голубокожему, безволосому и бесполому, было откровенно плевать на манеры смертных. Оно стояло в центре вырезанной в каменном полу пентаграммы, терпеливо ожидая, пока на него обратят внимание. Вошедший в Зал Владык граф в очередной раз плюнул на этикет, с ходу бросив:

– Дарион? – это было произнесено одновременно спокойно, отстраненно, но с нажимом, который гость явно почувствовал.

– Ваше поручение выполнено, Роберт, – существо скрестило длинные пальцы, улыбаясь и устремив взгляд черных глаз на графа, – Мой долг будет аннулирован. Я уверен.

– Продемонстрируйте, – велел граф, пряча руки за спину и вставая у края вырезанной в камне фигуры.

Существо, откликающееся на имя Дарион Вайз, повело верхней конечностью. Перед ним появилась тонкая длинная палка, вырастающая, казалось, из самого камня пола. Выполненная из темного металла, она смотрелась настоящим произведением искусства, являя собой двух металлических змей, тесно переплетающих тела друг друга. В самом верху, на уровне груди рослого графа, змеиные головы были выполнены одна напротив другой, с раскрытыми в шипении ртами. Между клыков рептилий медленно вращался в воздухе небольшой полупрозрачный объект шарообразной формы с сияющей белым цветом сердцевинкой.

– Это... Плод? – с недоумением произнес граф и остро взглянул на синее существо, – Дарион... вы явно себя переоценили, раз задумали подобную шутку!

– Где бы я взял Плод, по-вашему, дорогой граф? – брюзгливо, но с вполне видимой опаской воскликнуло существо, даже немного отпрянув от сумрачного аристократа, похожего на хищную птицу, – Это Ядро! Но... впитавшее почти весь Плод.

– Действительно, – граф в изумлении рассматривал тихо светящееся нечто. А затем вновь остро глянул на своего визитера. С не меньшей угрозой, – Ты думаешь, я поверю, что тебе хватило сил вытащить подобную душу из Реки?

Диалог продолжился. Человек добивался от синего существа правды, в то время, как оно совсем не желало ей делиться, явно рассчитывая вернуться домой, не вдавшись в подробно-

сти. Это было не лучшим выбором, у потерявшего терпение англичанина вспыхнули кончики пальцев на правой руке, и синий с хриплым криком зашатался на месте, начав выплевывать из себя слова:

– У странников пустоты! Я давно знаю одного из них, он нашел ее в пустоте... в далекой пустоте! ...и отдал мне.

– Ты принес мне душу размером с кулак, которая могла проспать в пустоте эоны? – аристократ сжал пылающие алым пламенем пальцы в кулак. Теперь вспыхнула вся сжатая кисть, а синекожий и черноглазый визитер залился жалобным воем, – Что мне с ней делать?!

Неудовольствие граф изволил выражать несколько минут. После он погасил пламя, безразлично и быстро встряхнув рукой.

– Ты заказывал крупную и крепкую, Семя с остатками Ядра, как можно быстрее, – хрипло перечислил синекожий, разминая рукой горло, – Заказ выполнен и перевыполнен. Я ожидаю большего, чем было обещано! Это условие входило в сделку!

Какое-то время граф посверлит взглядом синекожего. Потратит минуту на раздумья и нервно хрустнет пальцами. Затем он подтвердит, что сделка выполнена и долг прощен, звонким щелчком отправляя демона восвояси. На кончиках его пальцев снова заиграет пламя, только на сей раз не алое, а невинно-белого цвета. Неся полученное Ядро над светящимися пальцами сквозь переходы и анфилады своего замка, граф будет болезненно морщиться. Его лицо разгладится усилием воли, когда он откроет двери небольших покоев, внутри которых его прибытия давно уже ожидает испуганная беловолосая девушка, держащая ладонь на животе лежащего ребенка.

При виде графа Эмберхарта и после его разрешающего жеста молодая леди Мур с облегчением вскочит со стула, расположенного возле кровати, в которой находится бессознательный мальчик лет десяти, носящий сильное внешнее сходство с самим графом. Девушка быстро просеменил к стоящему в углу овальному зеркалу, кивнет смуглому остроносому человеку, держащему в горячей белым пламенем руке чужую душу, и покинет комнату и замок, пройдя сквозь поверхность зеркала.

Аристократ, коему было бы уместно осуждающе покачать головой при виде столь поспешного бегства, вместо этого исказит свое лицо в гримасе агонии, и быстрым жестом обжегшегося человека погрузит мерцающее Ядро в грудную клетку ребенка. Следующие полчаса он просидит, держа горящие белые огнем пальцы на груди смуглого остроносого малыша, дожидаясь серии коротких слабых судорог. Когда они начнутся, граф Роберт Эмберхарт погасит пламя на своей руке и громко крикнет прислугу.

Через неделю в его кабинет слуги вкатят привязанное к кровати тело именно этого мальчика. Вполне в сознании и добром здравии, правда, способное напугать обычного человека до дрожи тяжелым взглядом равнодушных ко всему глаз. Отец и сын проговорят несколько часов, с трудом подбирая слова. Через полгода разговор повторится – уже без постели с ремнями, и на куда лучшем английском. Их будет несколько, этих бесед, похожих на смесь торговли и допроса.

Эмберхарты умеют добиваться своего. Соглашение будет достигнуто. Вскоре, после того, как слабая детская ладонь соприкоснется с жесткой ладонью взрослого, ребенка перевезут в Лондон. Туда, где его будут ждать наставники, учителя, дрессировщики. Беседы и встречи графа с его сыном продолжатся – в комнате маленького дворянина будет стоять темное овальное зеркало, но о его свойствах почти никто из слуг столичного особняка знать не будет.

Пройдут годы...

Глава 1

Этого персонажа я заметил на второй день плавания. Высокий, плечистый, в умеренно поношенном костюме из хорошего сукна и таких же потертых туфлях, с заломленным на затылок котелком, молодчик проявлял неумеренную и настораживающую активность. Это отмечали и другие пассажиры – верзила постоянно искал компании, заводил разговоры, докучал почтенным леди и джентльменам, но сторонился общества небольшой группки кадровых военных. Из доносящихся до меня обрывков разговоров быстро стало понятно, что активный персонаж подбивает путешественников на игру в карты.

Одна часть меня его окрестила шулером, пробавающимся на облапошивании простодушных бюргеров, предвкушающих посещение заморских стран. Другая, куда более информированная, подметила изрядный рост и размеры жулика, говорящие о том, что его детство прошло явно в экологически здоровых и обильных на физическую работу и пищу хабитатах. Краем глаза были подмечена расхлябанность манер и запанибратское отношение бывшего студизуса, явно зря потратившего деньги любящих родителей в одном из университетов. Скорее всего – шотландских, хотя на скотта субчик не походил. Но мало ли кто приезжает туда учиться?

Бесспорным было одно – для очень молодого и хорошо одетого аристократа вроде меня этот расхлябанный и начинающий отчаиваться тип был недвусмысленной опасностью. Простая логика – пассажирский отсек океанического межконтинентальника «Кристина» был беден как на чрезмерно обеспеченных, так и на одиноких. Кроме военных, в отсеке был с десятков семей, чьи главы определенно были похожи на чиновников, переезжающих в Индию или Китай, несколько молодых пугливых девушек под предводительством двух сурово выглядящих надсмотрщиц, и около сотни подростков. Последних держали запертыми по каютам, что я горячо одобрял в душе. Предположить, куда их везут, было несложно – у благословенной Англии был небольшой научный форпост на берегах дикой Австралии, регулярно нуждающийся в новых кадрах. Старых постоянно съедала флора и фауна безумного материка, приспособиться к которой представлялось невозможным.

Но, возвращаясь к опасности – та безусловно имела место быть. К потертому жуликоватому типу уже неоднократно подходили стюарды с требованием оплатить счета за изрядное количество поглощенной им пищи и выпивки, записанной в его долг. Каждый раз эти требования были все настойчивее – в последний из наблюдаемых мной случаев, стюарда сопровождали два рослых матроса. Бывший студизус выкрутился, начав поднимать голос и угрожая скандалом, что заставило людей отступить, но это был уже предпоследний звоночек. Насколько мне стало известно, сегодня вечером, как все разойдутся по каютам, капитан планировал поместить здоровяка под арест.

Сделав соответствующие выводы, я в послеобеденное время устроился не на своем обычном месте, где коротал время за учебниками, а ушел на кормовую площадку межконтинентальника. Сюда постоянно выбегали курить матросы, а заодно те, кто хотел побыть в одиночестве – шум эфирных двигателей «Кристины» не располагал к разговорам. Прислонившись к поручню, я выбил длинную сигарету из портсигара и прокрутил колесико зажигалки, закуривая. Постоять и подумать пару часов до вечернего отбоя вполне можно. Разумная предосторожность, не более.

– Молодой сэр! – раздался из-за спины фальшиво-жизнерадостный бас, – А я вас везде ищущу!

Я вздохнул, оборачиваясь.

– Сэр Алистер Эмберхарт, вы обвиняетесь в убийстве человека при свидетелях. Вам есть что сказать в свое оправдание?

Капитан был суров и насуплен. Немолодому мужчине, уже отрастившему себе солидное брюшко и бакенбарды, совсем не улыбалось расследование, которому корабль подвергнется в ближайшем порту. Мясистый нос и мутно-зеленые глаза морского волка, играющего роль Господа Бога на «Кристине» уставились на меня с повышенной требовательностью. Неуместно.

– Стой передо мной необходимость в оправданиях, капитан Лирм, то ее, эту необходимость, представляли бы совсем не вы. Со всем моим уважением, – процедил я, пытаюсь устроиться поудобнее в чересчур большом для меня кресле. Заметив, что человек начал краснеть, я примирительно добавил, – При свидетелях было совершено отнюдь не убийство. Эти достойные господа, – я сделал кивок в сторону стоящих возле стола, где проходила беседа, людей, – ...были свидетелями насильственных действий по отношению к аристократу. В моем случае это карается смертной казнью по всем международным законам. То, что мне пришлось собственноручно привести приговор в исполнение, не моя вина, а ваша недоработка. Капитан.

– Вас. Просто. Схватили. За. Плечо! – почти по буквам отчеканил капитан «Кристины», – Это с трудом можно назвать насильственным актом! И о какой смертной казни вы говорите?! Такой приговор действителен лишь в отношении не достигших совершеннолетия аристократов! Хотите сказать, сэр, что вам менее пятнадцати лет, и вы при этом путешествуете один? Без слуг и сопровождающих?!

Я смерил сердитого человека взглядом. Одна из граней бытия аристократом – умение определять, к кому как относиться. Идеальным способом взаимодействия с жуликом-неудачником для меня было пустить ему пулю в живот, а затем легонько толкнуть шокированное тело, дабы то улетело в пенные буруны, оставляемые винтами «Кристины». Капитан Лирм заслуживал совершенно иного отношения. Принадлежность к военным, чертовски долгая выслуга лет, должность капитана не какого-нибудь заштатного крейсера, патрулирующего морские пути, а такого чудовища, как океанический межконтинентальный корабль, представляющий из себя натуральный плавучий город. Относиться к подобному индивидууму следовало с максимальным возможным уважением.

– Сэр, мне нет пятнадцати лет. Сэр, – отчеканил я, заставив морского волка удивленно моргнуть, – Семейные обстоятельства.

Присутствующие в шоке переглянулись. Скажи я, что являюсь на самом деле бабушкой Его Величества Генриха Двенадцатого, прозванного Умеренным, удивления было бы меньше. Аристократический Кодекс принят почти всеми странами мира, его общие положения знают даже простолюдины. Одно из основных – дети дворян, не достигшие совершеннолетия, которое у них в пятнадцать лет, не приобщены ни к каким делам рода, включая политику. Читаю по глазам присутствующих проступающую уверенность, что я проник на борт нелегально. Неприятно, придется опять разбрасываться информацией. Чертов жулик.

– Не утруждайте себя подозрениями, капитан. Я четвертый сын, – говорю я безо всякого желания.

Лица окружающих пытаются разглядеться, но терпят неудачу. Пусть их, информации достаточно, чтобы следствие было прекращено. Свидетели, как здоровяк схватил меня за плечо, вот стоят, глазами хлопают. Капитан все прекрасно понимает, но просто так сдаваться не хочет.

– Пусть даже вы, сэр Алистер, и четвертый сын, – выделяет он голосом мое место в иерархии, – Но неужели вы не могли применить свои особые возможности, чтобы решить конфликт менее кроваво, нежели чем через пулю из «Клатча»?

...и вот он переступает грань. Это требует урока. Небольшого.

– Особые, как вы выразились, возможности, капитан Лирм, не применяются по столь ничтожному поводу, – процедил я, почти за гранью манер. С другой стороны, здесь не вежливая беседа и все это понимают.

Вопросы ко мне исчерпаны давно, я уже назвал свой возраст, а характер этих вопросов преследует лишь одну цель – капитан желал сбросить вину за убийство под мою ответственность, вместо того, чтобы вляпываться в следствие. Оно неминуемо раскроет факт, что пассажир был проблемный, но службы безопасности судна сработали плохо. Увы ему.

Слушание окончено, капитан грузно поднимается с места, все присутствующие, включая меня, идут на выход из каюты, в которой происходил этот фарс. Щелчком выбиваю из портсигара новую сигарету, но за зажигалкой не тянусь. Вместо этого, подношу к кончику табачной палочки указательный палец, коротко вспыхивающий алым пламенем, и прикуриваю. Затягиваюсь, многозначительно смотрю на стоящего рядом капитана, играющего желваками. Тот хочет что-то сказать, но, одергивает сам себя и, взяв под козырек, уходит.

Возле каюты меня ждал стюард с подносом. Время ужина. Поблагодарив члена экипажа, я занес пищу насущную в свою каюту, закрылся на все замки, и с облегчением выдохнул. Пронесло. Все сделано как надо, без малейшей осечки.

Этот мир безумен, но мне нужно к нему привыкнуть.

Я в нем не родился. Меня позвали... призвали... похитили... пригласили в этот мир. В бездыханное тело десятилетнего Алистера, четвертого сына графа Эмберхарта. Мои ранние

воспоминания – о другой жизни и о времени, проведенном... до начала этой, весьма неполны. Более того, я даже не помню особо первые полгода своей новой жизни – все как в тумане. Приглашенные моим «отцом» специалисты, периодически устраивающие мне медицинский и мистический осмотр, на все голоса твердили, что это явление временное – последствия от шока.

Из боковых карманов сюртука вынуты два «Клатча» – толстеньких кургузых револьвера с очень коротким стволом. Эти увесистые милашки являются основной причиной, почему обильные телом аристократки европейских стран чувствуют себя на улицах города в безопасности. Нужна определенная сила и масса, чтобы компенсировать отдачу, зато, если попал в незащищенного броней человека – тому не жить. Увесистая мягкая пуля калибра 9 миллиметров раскрывается «цветочком» при попадании в цель и вполне способна остановить даже взбешенного грузчика из «грязного» района.

Скоро мне придется распротиться с этими надежными товарищами – стану совершеннолетним. Невместно будет носить женское оружие. Но бросать привычку носить короткие револьверы в боковых карманах брюк, сюртука или плаща я точно не буду, что бы мне не говорили о манерах. Пусть «отцовские» репетиторы, дворецкий и сам Его Сиятельство считают это подростковым бунтом, но свое право на кофе вместо чая, сигареты вместо трубки и несколько револьверов я буду отстаивать, не щадя чужих нервов!

Следующим кладу на стол «Линьер» – французский легкий револьвер, сверкающий полировкой. «Лучший выбор для подростков, девушек и прекрасных дам!». Действительно лучший – легкий, точный, безотказный. Он не способен превратить двухметрового амбала в умирающего от болевого шока двухметрового амбала, чьи внутренности внезапно стали фаршем, зато попасть из него в мишень, расположенную в пятидесяти метрах, всем барабаном – раз плюнуть. Вот его-то мне и вменяется носить, как образцовому сэру и джентльмену, но...

Некая часть меня вспыхивает удивлением, я погружаюсь в мысли, стараясь отыскать и принять еще один кусочек себя настоящего. Да, это странный мир...

Я помню другой. Не отчетливо, смутно. Кажется, я не был там кем-то... имеющим значение. Помню высокие дома, множество маленьких сглаженных автомобилей, молодых женщин, любящих носить юбки куда выше колен. Небольшие устройства, которые было принято держать на ладони, позволяющие людям держать связь, получать знания, даже смотреть нечто, напоминающее эфировидение американцев. Теперь еще один кусочек мозаики встал на место, предоставив мне кроху знаний – я вспомнил, что огнестрельное оружие в моей прошлой жизни было привилегией военных и сил правопорядка. Нет, странность была не в этом...

Ага! Вот оно! Здесь, в этом мире, аристократия ограничена Кодексом. Взять в руки и использовать автоматическое оружие при ЛЮБЫХ обстоятельствах для аристократа абсолютное табу. Более того, огнестрельный арсенал дворянина определен раз и навсегда – револьверы и болтовые винтовки! Все! Своих телохранителей вооружай как хочешь, пусть они хоть в силовом городском доспехе ходят с пулеметом, но аристократу – неместно! Правильно и обратное – за владение и использование аристократического оружия простолюдинам грозит смертная казнь.

Дикость. Но это я понял лишь сейчас. Очень медленно восстанавливается память. Предыдущие четыре с половиной года интенсивной учебы не оставляли мне времени на само-

анализ, любая передышка для головы тут же заполнялась упражнениями на выносливость, растяжку, танцы или занятие по самообороне. Можно сказать, что я впервые получил время подумать, лишь взойдя на борт «Кристины».

Вытягиваю из потайного кармана, нашитого внутри левого рукава пиджака, длинный ребристый брусок. Еще один мой «каприз» – длинный нож-бабочка. С холодным оружием ситуация посвободнее, но открытое ношение меча, сабли или рапиры обществом воспринимается с недоумением. А я не в том положении, чтобы усугублять недоумение общества, более того – вынужден крайне чутко относиться к этой субстанции.

«Еще бы!» – усмехается внутренний голос, с сарказмом добавляя – «Четвертый сын!»

Не просто четвертый! Я выслан своим отцом из страны до совершеннолетия, а значит – не представлен ко двору Его Величества короля Англии, Генриха Умеренного! Был бы наш род широко известен в массах, эта новость уже облетела бы весь мир несколько раз, крича на разные голоса. Но раз ничего подобного нет, то подобный случай зовётся «интересной ситуацией», что вызывает не недоумение высшего света, а его острейший интерес.

Разоблачившись, я замер перед ростовым зеркалом каюты, рассматривая себя. Высокий для своих лет, смуглый, как житель Халифата. Глубоко посаженные карие глаза и острый длинный нос. Вообще, все черты лица острые, можно сказать «точёные», от чего мне с равным успехом можно дать куда больше лет, чем есть на самом деле. Как и мои старшие братья и сестра, я чрезвычайно похож на отца, но если мягкие черты Скарлетт делают ее прекраснейшей девушкой из всех, что я видел, то в мужском исполнении такая внешность выглядит мрачной и угрожающей.

Особенно если надеть парадный или походный родовой костюм.

Меня передернуло. Не то чтобы собственная внешность вызвала мое отторжение, я был уверен, что раньше выглядел далеко не так презентабельно. Да и удобно, если честно – угрожающий и отталкивающий образ, совмещенный с манерами английского лорда, великолепно сочетается с моей личной мизантропией. Лучшая дистанция для общения – 22,5 метра. С такого расстояния я поражаю цель из «Линьера» с великой сноровкой, точностью и быстротой, даже был удостоен похвалы самого графа Эмберхарта. А это... редкость.

«На которую тебе плевать» – хихикнул внутренний голос. Я беззлобно приказал ему заткнуться, приступая к трапезе. Не лучшего качества блюда. Отвратно, с точки зрения аристократа, безразлично, с точки зрения того, кем я был раньше. Но ждать большего от «Кристины» не стоит.

«Контейнеровоз»... Странное слово шевельнулось в глубине памяти. Новый всполох воспоминаний. Огромные железные суда, использующие жидкое топливо, уголь... Они везут издавна многие сотни больших прямоугольных контейнеров, сделанные из железа. Внутри этих коробок разные товары, пища, даже машины... и почему-то китайцы. Зачем кому-то перевозить китайцев в другие страны? У них же ужасная сопротивляемость к Бурям?! Не важно. Контейнеровоз важнее китайцев. Там... много... разных... штук.

Приходит понимание, что «контейнеровоз» куда мельче «Кристины». Но они похожи своими функциями. Корабль, везущий меня в загадочную Японию, куда крупнее – в нем рас-

положены грузовые, пассажирские и гибридные отсеки, способные вместить как людей, так и грузы. «Кристина», как и большинство механизмов этого мира, работает на эфире, собирая его из атмосферы и используя для насыщения водяного пара. Установленные на стальном плавуем городе резервуары из серенита, обладающего почти нулевой теплопроводностью, позволяют хранить перегретый насыщенный эфиром пар практически без потерь, используя его для работы движущих механизмов. Процесс набора эфира и нагрева пара происходит постоянно, из-за чего «Кристина» испускает легкий шум, к которому я привык настолько, что уже не слышу.

Отужинав, я убрал со стола грязную посуду в специальный ящик, откуда ее заберет стюард, не тревожа меня стуком в дверь. Потрогал чайник, поморщился – остыл. Самый обычный керамический чайник, без всякой системы подогрева напитка. Звать прислугу я не хотел, поэтому в очередной раз нарушил все писанные и неписанные правила хорошего тона – прикоснулся пальцем к посуде, разогревая содержимое Силой. Отвратно, но зато горячее, за бортом «Кристины» не май месяц, а вполне взрослый декабрь, хоть мы сейчас и плывем мимо Индии.

«Маааагия!» – насмешливо протянул внутренний голос, едва не заставив меня поперхнуться, плюнув отвратительным чаем на скатерть. За обвинение в использовании магии, сделанное прилюдно, полагалась любимая в этом мире смертная казнь. Как за владение запретным искусством, так и за неподтвержденное обвинение... для обвинителя. Пол, возраст, статус, звание были совершенно не важны.

Сегодняшняя дата – 14 декабря 3294 года. Отсчет идет со дня смерти Шебадда Меритта, последнего божественного мага планеты, прозванного Узурпатором Эфира.

Каждый мог получить шанс. Тварь, выползшая из сибирских миазмов, аристократ, схватившийся за пулемет во имя защиты семьи, даже китаец, пойманный с пачкой печатей, содержащих скверну – у всех был шанс жить дальше. Микроскопический, но все же. Магов же истребляли дольше, чем человечество себя помнит. Осознанное общение человека с эфиром запрещено и проклято сотни и тысячи раз, но все равно тут и там на планете люди пытаются учить заклинания, копаются в раскопках, экспериментируют. За ними охотится инквизиция, аристократия, военные, но эта зараза по-прежнему липнет к миру. Человек может использовать эфир только посредством механизмов – это один из законов выживания, написанный этой планетой океаном человеческой крови.

Но подобное совершенно не ставит точку на сверхъестественном. Эфир лишь одна из граней этого мира. Еще есть множество источников странных сил – тьма, тень, кровь, свет, вера, другие планы. Это знание скрыто от большинства людей, как простых, так и благородных... хотя оно, в принципе, и не несет никакого решающего значения. Тайные могущественные силы лишь сидят и наблюдают, как человечество осваивает механику, строит заводы, борется с миазмами. Время этих сил не наступит – они слишком малы для движения цивилизации вперед. В отличие от эфира и науки.

Личная сила – явление совершенно другого порядка. Тренированное аурное тело представляет целый арсенал различных веселых штук – я могу подогреть чайник, прикурить сигарету, охладить бокал с напитком и, если сильно напрягусь – то даже силой воли подтащить по столу «Линьер» к себе поближе! Отец, правда, с пренебрежением отнесся к такой дурной мощи аурного тела, загружая меня десятками часов упражнений на контроль. Правильно, кстати, делал – я непременно продолжу развитие, в попытках сделать свои манипуляции тоньше и

слабее. Прогресс передо мной откроет неизмеримо большее, чем способность греть чайник с паскудным чаем!

«Ну, если ты останешься в Японии, то умение греть себе чайник будет куда важнее, чем навыки вождения «Паладина». Да тебе самому хочется быть подальше от стен Гримфейта» – хмыкнуло нечто внутри черепной коробки. Оно было право, но выбор был слишком сложен!

Силовые доспехи, работающие на эфире, были чрезвычайно требовательны к своему пилоту. Чтобы рулить большой человекоподобной конструкцией, требовалось филигранное владение аурой, оттачиваемое с самого детства. Тандем из человека и машины был способен на многое, из-за чего был отчаянно востребован везде – от сибирских застав до границ Халифата. Только вот люди, обладающие потенциалом заставить ходячие крепости двигаться, не собирались идти в пилоты. Лишних детей у высшей аристократии, способной себе позволить лучших репетиторов, индивидуальный подход и эксклюзивные методики обучения, не водилось.

Еще одна причина, по которой я был ходячим курьезом. Выполнить порученное в Японии, попутно совершенствуя свои навыки, вернуться домой, стать пилотом «Паладина», если к тому времени не выпустят что-либо еще более мощное и защищенное – вот прекрасный, чистый, честный, а главное – уместный путь к достойной жизни. Слава, почет и рыцарское звание будут гарантированы сразу после экзамена! А уж потом...

С другой стороны...

«Советник посольства» звучит совершенно не так грандиозно, как водитель огромной железной махины, но перспектива куда как соблазнительнее. Япония всего десять лет назад приоткрыла свои границы для очень небольшого числа визитеров и была совершенной террой инкогнита для обывателей цивилизованного мира. Шестьдесят два года назад на этом острове произошел социальный катаклизм, из-за чего страна объявила политику полного изоляционизма, изменившуюся лишь недавно. Слухи, собранные графом Эмберхартом, утверждали, что подобное было связано с одним из Воров Тел, подробности же он поручил выяснить мне.

«Ты отвлекся, Советник...» – желчно прошептал внутренний голос. Я лишь скривился, аккуратно складывая и вешая одежду. Опять он прав. Просто не хочу думать о том, сколько на мне ограничений и условий, от которых просто так не избавишься. Положение обязывает, накладывает и возлагает. Кстати! Я подскочил к одежному шкафу и тщательно исследовал плечо своего камзола, за которое схватил верзила. Не обнаружив сальных пятен, я, тем не менее, прошелся десятком раз щеткой по условно грязному месту. Выглядеть я должен безупречно. Пока не доберусь до собственного гардероба.

Насчет одолевающих меня мыслей... плевать. Для начала нужно врать в совершенно чуждую мне культуру, узнать эту страну, вернуть собственную память. Передо мной стоит тысяча и одно дело, плюс пять лет обучения в академии. Смысла сейчас выдумывать планы – нет.

«Молодец»

И тебе спокойной ночи.

Перед тем, как отправиться в царство Морфея, я вновь вспомнил выражение лица и глаз верзилы-жулика. Лихорадочный блеск жадности, решительности, отчаяния. Он был на взводе, настолько поглощенный мыслью меня неприкрыто ограбить, что проигнорировал пару курящих неподалеку военных. Про выстрел с «Клатча» и говорить не приходится – даже после толчка, падая с высоты в три десятка метров, хабитатец так и не осознал, что уже мертв. Первый человек, убитый мной. Надеюсь, что он же будет последним.

Убивать собственноручно мне совершенно не понравилось.

Глава 2

Расположившись в душном купе японского поезда, я рассматривал сидящего напротив меня дворецкого, одновременно листая выданные мне досье. Человек был нанят со стороны, а не выбран из штата людей Эмберхартов, впрочем, как и весь штат прислуги для японской резиденции. Подобное вызывало как настороженность, так и интерес. Ощущение, что меня выпихнули из Англии с минимальной поддержкой семьи. Хотя, это довольно логично, картина отлучения от семьи несовершеннолетнего должна быть приблизительно такой – никакой роскоши, никакой поддержки от преданных роду семей слуг, никакого общения. Резиденция, несколько наемных работников, определенная сумма на ежемесячное содержание, пара контейнеров вещей – и крутись, как хочешь.

Ужасные условия, как в таких жить? Внутренний голос зашелся в истерическом смехе. Впрочем, это был хоровой сарказм. Я прекрасно бы смог жить один. С приходящей поварихой и прачкой... или хотя бы прачкой. Одним из самых ярких воспоминаний прошлой жизни у меня была память о чудеснейшем изобретении – стиральной машине. Стоило человеку всего лишь уметь немного готовить и регулярно посвящать время уборке – и ему даже не нужно было жениться! И это я говорю о бедных простолюдинах, богатые могли себе позволить прислугу, которая просто пихала грязные вещи в эту чудесную машину!

В порту Йокогамы меня встретили двое – мой старый учитель японского языка и новый дворецкий. Кикиути Нобу провел два года в нашем лондонском особняке, обучая меня японскому языку, сейчас взяв на себя сейчас дополнительную обязанность поработать для меня гидом. Невысокого полноватого японца я знал хорошо, даже восхищаясь им местами – другие мои учителя предпочитали жаловаться на слишком плотный график обучения, в то время как Нобу находил возможности. Представить себе преподавательницу экономической географии, что решила бы давать мне внеочередной урок прямо во время утренней пробежки по Кенсингтонским садам, я решительно не мог. Но хотел. Мисс Валентайн бы удивительно пошла спортивная одежда.

Еще один взгляд мельком на того, кому я собираюсь доверить собственную безопасность и обустройство уюта в ближайшее время. В возрасте, но далеко не стар. Невыразительное длинное лицо гладко выбрито, водянисто-голубые глаза смотрят на мир спокойно и безразлично. Выражение лица в меру чопорное, до главного дворецкого замка Гримфейт этому господину далеко. Старина Карр мало отличался от настенных гаргулий или хорошего автоматона. Оу... автоматоны! Какая замечательная идея! Ей необходимо будет уделить самое пристальное внимание, когда придет время!

Чарльз Уокер, 44 года, вдовец, двое взрослых детей. Рост 186.5 сантиметров, вес 78 килограммов – то есть сухопар и жилист. В прекрасной физической форме. Владеет английским, немецким, итальянским и японским языками. Закончил Голдсмитс. В чем я чувствую подвох?

«Может быть в том, что на бумаге указаны данные в метрической системе, которая, по твоим смутным воспоминаниям должна быть другой?» – ехидно спросил внутренний голос.

Нет. Я поморщился, закуривая очередную сигарету. В 3266-ом, потеряв большую часть своих взбунтовавшихся колоний, Великобритания утратила еще и собственную систему мер и весов. Футы, дюймы, унции почти полностью ушли в прошлое, сдавшись под напором доводов прогрессивного мира. Много позже, в 3273-ем, Соединенное Королевство начнет выпускать сплавы серенита и гладия, что вернет ее на мировую экономическую и политическую арену во всем блеске и могуществе, но... утраченного будет не вернуть. Впрочем, никто особо и не старался.

– Мистер Уокер, – я обратил на себя внимание сидящего напротив меня у окна дворецкого. Лицо Чарльза изобразило умеренный интерес и готовность слушать, чем я тут же и воспользовался, похлопав по папке с его именем, – Указанных здесь сведений совершенно недостаточно для того, чтобы сформировать свое мнение. Не угодно ли вам дать мне объяснение, с чем связан дефицит информации?

– Распоряжение вашего отца, сэр, – немногословно отозвался дворецкий, вновь замирая неподвижно.

Вот значит как. Я взял другую папку, в которой была дана сухая выжимка по горничной. Анжелика Легран, 22 года, знает несколько языков, детей нет, не замужем, прекрасная физическая форма... и вновь все. Странно, мне же с этими людьми минимум пять лет жить. К чему такая секретность? Я начал поигрывать своей тростью и размышлять. Несмотря на то, что это приспособление для ходьбы мне было еще немного великовато по размерам, черную метровую палку с оголовьем в виде головы ворона я любил по-настоящему. Увесистая, сбалансированная, стильная! А главное – никаких скрытых лезвий, так любимых столичными денди!

Эти скрытые лезвия в тростях и зонтах вызывали у меня глубокое отвращение. Трость должна быть элегантным аксессуаром, а не дубиной с запястье толщиной. Какой тогда толщины клинок можно спрятать внутри? Как его использовать? Кусок шпаги с неудобной рукоятью, вот что такое эти модные и бестолковые шампуры! Моя трость – это лишь трость! Правда, если взяться за нижнюю ее часть, то она превращается в очень неплохой клевец, благодаря выдающемуся клюву ворона, а ее узкий кончик, стучащий обычно по мостовым и паркетам, умеет раскаляться до внушительных температур, позволяя быстро продырявить... что-нибудь, но это лишь мелкие детали, на которые никому не стоит обращать внимания!

«Ты просто больной на голову лицемер и фанатик оружия. Хотя нет, поправлюсь – вооруженный параноик с голосами в голове, вынужденный играть роль английского лорда».

«А еще мне голоса в голове ставят диагнозы» – я умею мысленно бурчать в ответ своим внутренним тараканам. Те милостиво изволили поклониться, прижав правую лапку к груди. Позеры. Интересно, а если твоя шизофрения выполняет роль психоаналитика, то к каким последствиям может привести такой мезальянс?

– Так, стоп! – я стукнул тростью по полу, обращая на себя внимание Уокера и задремавшего было Кикутти, – Всего. Две. Папки. Мистер Уокер, будьте любезны, поведайте мне о размерах дома, в котором мы будем проживать!

– Лордом Эмберхартом была приобретена стандартная резиденция по архитектурным планам Стивенсона и Маджолиса, – тут же отреагировал дворецкий, – Два этажа, восемь гостевых комнат, помещения для прислуги, небольшой зал для приемов, библиотека, кабинет, несколько подвальных помещений, жилая площадь составляет порядка тысячи двухсот метров. Вынужден заметить, сэр, что реалии этой страны в дефиците подходящей под застройку земли, поэтому дом лишен многого – конюшен, леса или хотя бы парковой зоны. На заднем дворе располагается небольшой пруд, беседка и несколько деревьев. На этом всё.

– Я не привередлив, – сделал я слабый отгоняющий жест рукой, – Но заинтересован узнать, как дворецкий и горничная вдвоем будут управляться с таким домом. А так же – где мне предполагается искать охрану, шофера, повара, прачку, портного, садовника? Служанок, наконец? Поверенного? Секретаря?

Дворецкий обменялся взглядами с бывшим учителем и начал себя неловко чувствовать. Ощущение, что они знают нечто нехорошее, но вынуждены молчать, было слишком сильно.

– Большую часть времени вы будете проводить на территории академии, Алистер-сан. – мягким тоном произнес Кикутти, – Там полный пансионат. Резиденция вне вашего присутствия будет требовать минимум забот и усилий. Прошу простить, но это пожелание вашего отца. Он твердо убежден, что вам нужно больше общаться...

– Благодарю вас, Кикутти-сенсей, – вежливо поблагодарил я японца, грубо оборвав его плавный, но тягучий английский, – Я понял, что ничего не понял.

Мой новый дворецкий счел нужным просто промолчать. Не то, что меня сильно волнуют такие мелочи, как место жительства, главное – добраться до личных контейнеров, стоящих сейчас у особняка... Но! Владение информацией усиливает контроль над любой ситуацией. Я регулярно получаю сюрпризы от лорда Эмберхарта, а вот объяснение его действиям куда реже. Это... раздражает.

А когда я раздражаюсь, то хочу курить.

Выйдя из купе, я злобно выбил из портсигара длинную ароматную сигарету. Закуривая, я бросил взгляд на пробегающие пейзажи страны, о которой я знал буквально крохи. Японский чудовищно сложен, о его письменном варианте я знаю совсем немного, чего хватит лишь для прочтения магазинных вывесок. Это нужно будет исправить. У сенсея, точнее – меня, было немного времени, которое мы все потратили на устную речь. Одному в пансионате заниматься будет трудно. Отец, ты и это просчитал? Хочешь, чтобы я обращался за помощью к людям? Общался с ними?

Подлый ты ворон.

Заметив краем глаза что-то низкое и белое, бесшумно подбегающее ко мне по коридору, я просто не успел вовремя среагировать. Внутри все разделилось на того, кто начал действовать, и того, кто отреагировал на происходящее короткой фразой – «Курение убивает».

Непонятная опасность слишком близко, я не успеваю воспользоваться ни тростью, ни пистолетами. Трость в правой руке, опасность с левого плеча. Делаю единственно возможную, но отчаянную вещь – отпрыгиваю вправо с разворотом. Опасность в том, что разворачиваясь лицом в коридор, я увеличиваю себя как мишень. Если подбегающий враг вооружен огнестрелом – я труп.

Мне ослепительно везет – мой толчок ногой создал складку на расстеленном в коридоре ковре, и неизвестный спотыкается, с коротким криком падая лицом вниз. Через долю секунд я стою с «Клатчем» в левой руке и тростью в правой, готовый стрелять.

Но не стреляю. На полу, одетый в ниспадающее одеяние голубого и белого цветов, вытянув руки вперед, лежит ребенок. Или карлик? Настороженно смотрю на обувь существа, которой нет. Угроза облачена в толстые мягкие носки, из-за чего я и не услышал ее приближения. Коварно и практично. Замираю и пытаюсь сделать нелегкий выбор – пристрелить сейчас или когда дернет руками? Если дернет, тогда выстрелю рефлекторно. В зубах продолжает дымиться сигарета.

Внезапно, картина приобретает иной смысл. С той же стороны, откуда бежало одно существо, появляются новые. Невысокие фигуры, сплошь затянутые в черную ткань, с клинками наголо. Бегут ко мне гуськом и чрезвычайно быстро, настолько, что я опять не успеваю среагировать вовремя, позволяя первому из них приблизиться. Дальше тело действует почти само.

Недлинный узкий клинок агрессора коротко звякает под основанием вороньего клюва моей трости, который я зачем-то протягиваю вперед, спасая жизнь нелепому бело-голубому созданию. Вслед за этим начинает говорить «Клатч». Выстрел. Первый из черных отшатывается назад, мешая остальным, жуткий грохот короткоствольного револьвера бьет по ушам всем, включая меня. Всаживаю еще одну тяжелую пулю в падающего – он уже труп с развороченной грудиной, но находится неприятно близко ко мне. Лелею надежду, что еще одна пуля оттолкнет его чуть подальше.

Надежды любят, когда их лелеют. Хотя, с моей точки зрения, это наиболее бесполезное из всех занятий в мире. Гораздо практичнее лелеять собственную паранойю.

Левый «Клатч» рывкает еще раз, пробивая грудь уже второму из черных меченосцев и вызывая среди остальных более надежную сутолоку. Достаточную, чтобы я ощутил и использовал комфортный промежуток времени, выпуская трость и освобождая руку под второй револьвер. Достав его, тут же произвожу выстрел, роняя цель номер три, решившую перепрыгнуть падающих товарищей. Увидев поверх шевелящейся на полу черноты дверь вагона, и поняв, что далее по коридору никого нет, без всякой экономии выпускаю оставшиеся пять зарядов правого револьвера в кучу людей на полу, тут же отбрасывая пустое оружие.

Навык быстро выпускать из рук ненужное – один из первых, которому меня выучили инструктора боя.

Мощный очаровательный малыш потрясающе эффективен на дистанции в два-три метра, но далее его пули летят по своим делам, попадая совсем не туда, куда целишься. Зато теперь в правой руке «Линьер» – я лихорадочно верчу головой, стараясь держать под контролем обе стороны коридора и продолжающего лежать на полу карлика-убийцу. Тот не шевелится, его

руки так же вытянуты вперед, а лицо уткнуто в пол. Люди в этой позе вызывают у меня безотчетное и неоправданное доверие, не могу выстрелить просто так.

Из двери аккуратно высовываются головы Уокера и Кикиути, я отвлекаюсь на них и вновь попадаю впросак, теряя целую секунду, а то и полторы. За это время еще двое одетых в черное успевают появиться и пробежать половину дистанции до меня. «Линьер» дважды коротко и сухо щелкает, его маломощные, но точные пульки устремляются строго в лоб агрессорам. Слышен звон, оба дергают головами, останавливаясь, но на этом все. Бегущий первым коротко встряхивает головой и взмахивает рукой, чувствую пару толчков в грудь и что-то лишнее на лице. Я выпускаю остальные четыре патрона барабана – по два в грудь каждому из врагов. Потом появляется боль.

Мельком бросаю взгляд на учителя и дворецкого. Они до сих пор смотрят на все широко раскрытыми глазами. Оружия я не вижу. Разум диктует, что времени вся схватка заняла совсем немного, но Господь Всемогуший, сколько можно пялиться просто так?

Легкий «француз» отброшен, рука привычным движением достает и раскладывает нож-бабочку из левого рукава. Три патрона в «Клатче» и длинное двадцатисантиметровое лезвие из отменной стали.

– Господа, с вас пять фунтов за просмотр спектакля, – хрипло шучу я, но получить ответ не успеваю. Оконное стекло вагона лопается, сквозь него пролетает еще одна черная фигура, ударя меня двумя ногами в плечо. Влепляюсь в противоположную стену, как муха в стекло эфирного мобиля, роняя нож и утрачивая ориентацию в пространстве. Покрасовался.

Слышу тревожный вскрик Кикиути, но он не несет угрозы моему противнику. Тот это прекрасно осознает, приподнимаясь с пола и награждая меня пинком в голову. Следующий пинок приходится в грудь, туда, куда раньше что-то ударило.

Боль.

Отрезвляет.

Но слишком поздно. Противник опытен как тренировавшие меня седоусые отставники, ветераны халифатских сражений. Пинки только для дезориентации, черный уже выдернул из-за спины короткое лезвие и наносит горизонтальный режущий удар, призванный рассечь мне горло. Резко заваливаюсь набок, защищая левой рукой горло. Грохот, скрежет, боль.

Тьма.

Интерлюдия

Мистер Чарльз Уокер имел все основания считать, что в его случае сорок четыре года – это закат. Несмотря на богатый и разносторонний опыт, взять на работу человека с его «рекомендациями» вряд ли бы кто осмелился. Более того, слишком специфичен был этот его опыт, чтобы быть востребованным в домах британской знати. Впрочем, Уокер вряд ли бы смог претендовать хотя бы на место инструктора в пансионате для мальчиков – на Островах никому не хочется нанимать человека, вызвавшего гнев знатного семейства.

Менять же страну Чарльз не собирался – он и так провел слишком много лет вне берегов Англии. Последнее время это его решение все чаще проверялось на прочность, отказы следовали за отказами. Пенсии же Уокеру хватило бы на тихое и спокойное дожитие, но он был решительно против подобного исхода. За пятнадцать-двадцать лет до момента, когда он превратится в дряхлую развалину, можно достичь многого. Был бы шанс.

Агенты графа Эмберхарта вышли с ним на связь тогда, когда Уокер уже всерьез начал размышлять о еще одном контракте возле халифатских границ. Ставить точку – так передав кругленькую сумму Дороти и Генри, дети хоть и живут безбедно, но явно будут не против дополнительных средств.

Граф предложил куда больше, чем просто деньги, купив Уокера с потрохами. Сразу, влёт, с первых минут разговора. Но такие немислимые блага полагалось отрабатывать соответственно.

Сейчас, глядя, как нашедшийся в одном из вагонов поезда врач суетится, накладывая швы на тело и лицо раздетого до исподнего смуглого подростка, Уокер смотрел сквозь людей и стены, вспоминая монолог угрюмого графа.

«Мистер Уокер, к Алистеру неприменимы никакие стереотипы. Он может показаться вам рассудительным, чрезмерно взрослым, даже гением, – эти впечатления не будут обманчивы. Совершенно. Но в жизни все, так или иначе, уравнивается. В случае моего четвертого сына это правило работает целиком и полностью. Я не могу сказать, что Алистер страдает от паранойи, легкой шизофрении и мании преследования, но с уверенностью могу описать несколько десятков случаев, когда от этих его недугов страдали окружающие. Без смертельных исходов, но в будущем это может измениться. На ваше с ним пребывание в Японии я возлагаю большие надежды. Впереди его ждут пять мирных лет в академии, где безопасность иностранных студентов гарантирована императором. Надеюсь, что это позволит моему сыну расслабиться в достаточной степени. В любом случае, я, а значит и вы, не позволим ему позорить имя семьи. Чем? К примеру, превращением выкупленной мной недвижимости в укрепленный район или наймом армии охранников. В целом, кроме ваших основных обязанностей, мистер Уокер, я вменяю дополнительные – держать в узде параноидальные желания моего потомка и сопровождать Алистера в «специальных» случаях. У последних будет много общего с вашей будущей наградой, поэтому я надеюсь на ваше полное молчание»

Что может быть проще, чем провести пять спокойных лет в особняке, протирая пыль и изредка выполняя просьбы подростка? Получив за это новый шанс на достойную жизнь... даже более – способ исполнить свою мечту?

Первые сомнения в легкости поставленной перед ним графом задачи появились, когда в Йокогаму, где Чарльз ожидал прибытия молодого сэра, пришло радиосообщение об убийстве на корабле. Сухая сводка о смерти жулика была сопровождается дополнительным комментарием капитана, высказавшего уверенность в том, что молодой аристократ осознанно заманил покойного на корму судна. Остальные улики и свидетели были целиком на стороне молодого Эмберхарта, но осадок радиограмма у Чарльза оставила. Будущий дворецкий прекрасно понимал, что Алистер осознанно застрелил человека, хотя обладал всеми необходимыми навыками, чтобы решить ситуацию без жертв.

Теперь счетчик трупов несовершеннолетнего подскочил еще на пятерых. Последнего, норовящего раскромсать подростка длинным ножом, застрелил уже сам Уокер. Ругавший себя сейчас последними словами.

Выглянув на грохот выстрелов и увидев молодого Алистера, стоящего возле тела неподвижного ребенка, Уокер застыл на месте, так же как и полноватый японец. Англичанин был готов отдать обе руки на отсечение, что мыслили они в тот момент абсолютно одинаково – сын лорда слетел с катушек и устроил бойню в поезде. А когда подросток невозмутимо поймал телом и лицом несколько брошенных в него лезвий, но вместо какой-либо реакции бросил на дворецкого осуждающий взгляд, сознание Чарльза просто оцепенело, заставив тело двигаться на рефлексах. Слава Богу, старый «лаокон» отработал на ура, отшвыривая убийцу от молодого сэра.

А ведь мог и отказать! Сколько времени прошло с тех пор, как Уокер менял уставшую пружину в обойме своего пистолета?

В любом случае, даже несмотря на немыслимую ситуацию, это был полный провал Уокера как дворецкого. Что морально уничтожало англичанина еще сильнее – так это понимание, что как раз он, Уокер, должен был справиться с ситуацией лучше любого другого. С его-то военным опытом буквально прошляпить всё, опомнившись лишь в самом конце!

Нервничавший молодой японец быстро сметывал жуткие разрезы на лице молодого сэра, а на соседней полке лежала так и не пришедшая в сознание крохотная японка. Жизни последней ничего не угрожало, лишь на затылке вздувалась крупная шишка, которую девочка определенно получила от случайного удара оголовьем трости молодого англичанина. Чарльз докурил сигариллу и принял решение застрелиться.

...конечно же, после того, как доведет Алистера Эмберхарта до особняка и доложит его отцу о произошедшем инциденте.

Глава 3

– Ты уверен, что не хочешь позвать Элизу? – спросил отец, озадаченно хмурясь, – Может, она заодно выяснит, что стало причиной головных болей?

– Ты предлагаешь четырнадцатилетнему мальчику свести с его лица свидетельство о смертельном бое с превосходящим противником? – я бы вздернул бровь, но сейчас это было бы слишком болезненно, – И да, что за предубеждение к бедной Элизе? Почему из всех родственников своего старинного друга ты постоянно вызываешь единственную, кто боится меня до трясущихся коленей?

Общение по зеркалу – одна из многочисленных мелких и приятных привилегий в бытие Эмберхартом. Большинство людей довольствуются телеграфированием и радиосвязью – ничем не хуже зеркал, разве что глохнет во время Бурь и собеседника не видно. Туманная память предоставляла мне информацию о других формах связи, аппараты для которой выглядели как тонкие пластинки, что человек постоянно держал на ладони и что-то в них чертил пальцем, либо разговаривал, поднеся к уху. Слишком часто, на мой вкус – люди держались за эти пластинки, как будто те составляют основу их существования.

– Для Элизы это заслуженное наказание! – отрубил отец, раскуривая трубку, – Но раз мой четвертый сын считает, что разрезанное лицо и грудь придадут ему дополнительный шарм, то последствия он примет единолично!

– Как и всегда, – пожал я плечами, вызывая многозначительное хмыканье человека в зеркале. Сеанс связи закончился.

Теперь можно было поморщиться от боли. Плоть на щеке задумала проверить швы на прочность и я передумал.

С главой рода было... легко находить общий язык. Роберт Эмберхарт исповедовал одну и ту же политику, что к подчиненным, что к собственным детям. «Делай что нужно, и будь свободен во всех своих желаниях, пока те остаются в рамках и без последствий». Проще говоря, он всем и каждому предоставлял определенные и весьма широкие границы свободы от его мнения. Принципиально. Для простолюдина это было бы чрезвычайно мало, но быть свободным от капризов вышестоящих в знатном роду – практически демократия!

Сие благословение рациональности так же коснулось и Уокера. Доставив мое не желающее приходить в сознание тело в резиденцию, дворецкий препоручил меня заботам мисс Легран, вызвал врача и телеграфировал графу, каюсь во всех надуманных грехах и запрашивая отставку. Получив жесткий отказ, дворецкий попробовал обходной путь, обратившись на следующий день уже ко мне. Пришлось ему объяснить, что недостаточная расторопность в поезде вполне нивелирована спасением моей жизни. Для первого раза вполне хороший исход. Но я убедительно попросил Уокера больше не допускать куда более серьезных ошибок, а именно – целой толпы вооруженных японцев, набившихся в вагон, когда мы прибыли в Токио. То, что они прибыли забрать выжившее ошибкой судьбы бело-голубое существо, а не пристрелить меня, было лишь слепой удачей. От такой трактовки дворецкий почему-то оторопел и удалился деревянной походкой. Привыкнет.

Тренированное аурное тело напоминает полуматериальное стекло, становясь упругим защитным полем, окутывающим человека. Но, кроме ряда приятных мелочей, вроде управления температурой или пассивной защиты, не позволяющей комарам меня кусать, оно имеет ряд других преимуществ, ради которых его, собственно, и тренируют с младенческого возраста. Одним из наиболее существенных достоинств правильно работающей ауры служит ментальная чувствительность – большинство аристократов сразу определяют, если на них посмотрит кто-либо, испытывающий сильные эмоции, и даже смогут определить «вкус» толкнувшего их аурное тело взгляда. Даже раздосадованный короткий взгляд конного извозчика, получившего не так много чаевых, как бы хотелось последнему, ощущается как короткий тупой тычок.

Почти четыре года моей жизни в Лондоне я провел под бомбардировкой ауры. Настороженные, враждебные, боязливые, панические, желающие убить, прогоняющие, обладающие огненным душем неистовой ненависти. За пределы особняка приходилось выходить довольно часто, хотя даже в нем я чувствовал чужое наблюдение и эмоции. Отец и старшие братья, к которым я неоднократно обращался с этой проблемой, называли ее «аурным беспокойством», которое и лечилось жизнью в большом городе. Последнее заодно и было поводом, по которому мне был заказан вход в семейный замок. Гримфейт был единственным местом, где я чувствовал себя в безопасности и мог расслабиться.

То, что я не ощущал враждебных и настороженных взглядов на «Кристине», в поезде и сейчас, находясь в собственном особняке... было очень странно. Постоянно приходилось скидывать вину на шок от смены места жительства. Хотя, быть может, мои проблемы решаются куда проще и нужно лишь регулярно в кого-нибудь стрелять? Сплошные загадки.

– Сэр, во дворе стоят два контейнера. Не изволите отдать приказ, что с ними делать? – обратился ко мне Уокер, успев поймать перед выходом. Я счел полученные ранения и головную боль недостаточными, чтобы оттягивать запланированные экскурсии по Токио, посему планировал небольшой выезд в город.

– Тот, что с синей маркировкой орла на замках, разрешаю открыть и перенести его содержимое в подвалы особняка, – я выложил часть привезенных с собой ключей от контейнера, – Только настоятельно прошу, мистер Уокер – обеспечьте содержимому наилучшие условия для хранения!

– Могу ли я поинтересоваться заранее содержимым данного контейнера, сэр?

– Да, мистер Уокер. Там всего лишь кофе марки «Оксфорд премиум» и сигареты «Эксельсиор лонг». Кофе хранится в больших жестяных банках, поэтому совершенно не требовательно к условиям хранения. Коробки сигарет этим похвастаться не могут, но я питаю надежду, что вопрос с их размещением вы сможете решить.

– Да, сэр. А второй контейнер?

– Он будет ждать моего выздоровления.

Несколько тонн любимых продуктов в чужой стране – суровая необходимость. Знание, что у меня есть хороший запас, грело душу. Но недолго, достаточно было сесть в мобиль, как настроение начало портиться.

Первым, что меня не порадовало, была сама машина.

Япония, как Англия и большинство других высокоразвитых стран, отдавала предпочтение городским транспортным сетям на рельсах. Трио из парового трамвая, метро и кареты обеспечивало недорогое движение в городских пределах. В сельскохозяйственных хабитатах использовалась преимущественно внутренняя паровозная сеть. Большинство серьезных и уважаемых господ, включая аристократию, отдавали предпочтение старым добрым каретам с лошадьми, когда расстояния не отличались серьезностью. Автомобили же... о них можно сказать две вещи – небольшие модели расцениваются на вес золота, являясь чуть ли не произведением искусства каждая, а практичные – с собственным заборником эфира и достаточной броней – уже похожи объемом и весом на танк.

Личный автопарк Эмберхартов и его обслуживание являлось самой расходной строчкой бюджета графства. Японцы пошли еще дальше, у них правом владеть личным мобилем обладала лишь императорская семья. Токийский автопарк предоставлял мобили дворянам и очень обеспеченным мещанам в исключительных случаях. Таких, как этот. И машина вызывала у меня обоснованные подозрения – я находил ее бронирование чрезвычайно недостаточным. Вполне вероятно, что хватит лишь пары выстрелов из «Клатча» в салоне или меткого винто-

вочного выстрела снаружи, чтобы превратить этот приземистый мобиль в облако раскаленного пара, при попадании в эфирный бак.

Но отказаться я не могу. Машина предоставлена по приказу имперской канцелярии. Хотя дизайн автомобиля я нахожу весьма привлекательным – черный приземистый силуэт хищных очертаний, с широкими шинами и набором светильников впереди, который внутренний голос определяет как «фары». Короб радиатора позади мобilea почти его не портит, а масса техники вызывает уважение – в этой ласточке нет и шести тонн!

Вторым поводом для моего пасмурного настроения была мисс Анжелика Легран. Эмоции сидящей возле меня горничной долбили мой аурный щит как осадные орудия! Высокую и спортивно сложенную девушку колотило так, что тряслись даже ее рыжевато-коричневые кудряшки. Легран НЕРВНИЧАЛА.

Причиной ее беспокойства была только и строго моя персона. Девушка пребывала в состоянии паники постоянно, с того момента как я встал с кровати, начав передвигаться по дому. При виде моей персоны у нее тут же все валилось из рук, движения становились суетливыми, а мысли хаотичными настолько, что даже отвечать на вопросы могла лишь с большим трудом и не с первого раза. Кофе мне эти несколько дней был вынужден приносить сам Уокер, потому как тело мисс Легран отказывалось приближаться ко мне, не испытывая дрожи и судорог. Это в конечном итоге так вывело из себя дворецкого, что горничная была в приказном порядке отправлена со мной на экскурсию по городу. Сейчас я сидел возле сильно нервничающей девушки и терял последние крохи терпения.

– Мисс Легран! Извольте объясниться! – зло рявкнул я, пугая до икоты шофера-японца и Кикути-сенсея. Головная боль почти не оставляла надежды хоть что-то почерпнуть из экскурсии, поэтому я обратил свой гнев на горничную, – Чем вызвано ваше нервное поведение?!

Девушка побелела, закатила глаза и отправилась в обморок.

– Остановить мобиль! – зарычал я, чувствуя, как подступающая злость помогает бороться с головной болью. Машина с низким гулом начала замедляться и вскоре совсем остановилась.

Выскочившие из мобilea, ничего не понимающие японцы наблюдали, как я вышел сам, оставив дверь открытой, потом сунулся внутрь автомобиля, схватил сомлевшую горничную за башмаки и немного подтянул, переводя в целиком лежачее положение. Они так же проводили мой следующий маневр с непонимающими лицами – когда я, обогнув транспортное средство, открыл уже дверь с другой стороны, где на сидении теперь расположилась голова девушки.

А вот когда я вытащил «Линьер», японцы неожиданно заблажили с потрясающей страстью.

– Алистер-сан! Алистер-сама! Не нужно! – вцепился в мою руку Кикути, в то время как неизвестный мне водитель просто присел на месте, схватившись за голову, – Пожалуйста, не делайте этого!

– Кикути-сенсей, будьте добры меня отпустить! – негодуя ворчал я, дергая рукой. Вцепившийся в меня полноватый японец обладал достаточным весом, чтобы всю шатать мое подростковое тело. Такое запанибратство было неприемлемо!

– Не убивайте девушку! Она просто боялась, что вы ее обесчестите! – выдал господин Нобу, глядя на меня умоляющим взглядом, но продолжая крепко сжимать руку.

– Что?! – не поверил своим ушам я, прекращая вырываться. Это подвигло японца на словесный поток.

– Для Легран-сан стало обескураживающим известием, что лорд Эмберхарт-сама запретил наем дополнительных работников! Она боялась! Поймите же!

– Мисс Легран имеет право бояться всего, что сама себе надумала! – процедил я, глядя в неожиданно широко раскрытые глаза бывшего учителя, – Меня интересует другое! Почему вы решили, что я ее собираюсь убить?!

Кикути Нобу ослабил хватку, но выразительно посмотрел на зажатый у меня в руке «Линьер». Ох уж эти дикари...

Я резко вырвал руку из хватки японца.

– Я не ношу с собой нюхательных солей, почтенный! Зато есть он, – я постучал пальцем по корпусу револьвера, – «Линьер» использует высокоточные патроны, снаряженные не порохом, а алхимически стабилизированным пироксилином!

Выстрел в землю, от звука которого шофер опускается чуть ли не на корточки, я вышибаю вбок барабан револьвера и выбиваю дымящуюся гильзу. Достать платок, протереть, сунуть ее под нос Кикути. Только сморщившись от резкого запаха, японец начинает понимать, что и зачем я сделал. Пришлось вталкивать ему горячую гильзу в руку и отправлять к бездыханной девице на реанимационные процедуры. Кем меня считают эти варвары?!

– И не забудьте ей сообщить, что ее страхи беспочвенны! Жду здесь пять минут! – снабдив обоих азиатов ценными указаниями, я отошел покурить.

Не успела сигарета кончиться, как немного встрепанная, но куда более спокойная горничная уже стояла передо мной, уткнув взгляд в землю.

– Мисс Легран! Только тот прискорбный факт, что мой отец не счел нужным снабдить как меня, так и вас достаточным количеством информации, примиряет меня с случившимся! Знайте впредь и дайте себе труд не забыть о том, что сейчас будет сказано! – начал чеканить я, почти теряя сознание от головной боли. В глазах все плыло и качалось, но виду я показывать не собирался. Вместо этого, я плотно сцепил челюсти, продолжив цедить слова, – Я бы никогда не позволил себе бесчестного поведения в отношении нанятых слуг и подчиненных! Мы с вами находимся в чужой стране, во враждебном окружении – во мне вы можете видеть если не нанимателя, так его сына, но вовсе не насильника, одержимого похотью! Если вы не понимаете смысла и духа английских законов в взаимоотношениях между слугой и лордом, то я объясню вам этот момент подробнее! При любой угрозе вашей чести и достоинству, я, как представитель нанявшего вас рода Эмберхарт, обязан выступить в вашу защиту! Я достаточно понятно выразился?!

Дождавшись еле услышанного шепота «Да, сэр», я велел всем вернуться в машину и продолжить движение по намеченному плану. Мигрень уже ощущалась как некая стихия, лишь на короткие мгновения выпускающая меня из своих когтей. Я почти не слышал слов Кикиути, сосредоточившись лишь на том, чтобы сидеть с каменно-неподвижной физиономией. Кстати, лишь сейчас вспомнилось блестящее решение, позволившее таки островной нации, проживающей в сейсмоопасном районе перейти к строительству домов более трех этажей. На помощь японцам пришел венгерский пенобетон, который они остроумно армировали алюминиевыми сетками, и их собственная разработка – полужидкие фундаменты. Теперь максимальная высотность зданий в Токио достигала шести этажей.

Мой взгляд то и дело цеплялся за несуразности. Люди в костюмах с головами странных существ, что-то раздающие другим? Тысячи ярких вывесок? Станным образом знакомые прилавки, закрытые лишь полосками матерчатой ткани, за которыми на высоких барных стульях сидят клиенты и что-то... едят? Мелочи, яркие мелочи. Но вот количество женщин, у которых длина юбок доходит только до колена, бесстыдно выставляя обнаженные ноги? Как такое может быть?

В этом городе что, любимая женская профессия – проституция? Не может подобного быть. Я видел лондонских ночных бабочек, мало кто из ветреных дев туманного Альбиона осмелился бы показать столь много своей плоти. Машина все катилась по улицам города, Кикиути что-то вещал, а я плавал по штормовым волнам головной боли. В какой-то момент я почувствовал, что больше не могу, и попросил остановить мобиль.

В небольшом переулке, где с трудом смогли бы разойтись двое человек, царил сквозняк. Я оперся одной рукой на кирпичную стену, жадно затягиваясь сигаретой. Головная боль отступала, сменяясь целым вихрем быстро мелькающих образов, картинок, звуков и понятий. Каким-то немислимым образом я успевал зацепить краем внимания каждый из мелькающих образов, узнать его, но осознать увиденное не было ни сил, ни возможности. Крутящаяся перед глазами феерия увлекала за собой, но никуда не приводила...

– А-нно... – раздалось из-за спины.

Не с моим плотным графиком разносторонних предметов надеяться, что я в свои четырнадцать лет представляю из себя достойного бойца. Отнюдь. Обостренная паранойя, вечный тонус тревожности, и все свободное время, проведенное в тире, дали мне лишь стартовый минимум. Фундамент. Но одну вещь в меня намертво вбил сам граф Эмберхарт, собственными руками, примером и волей.

«Если ты слышишь или видишь нечто разумное, но нечеловеческое – готовься к смертному бою»

Творящаяся в сознании кутерьма не позволила осмыслить происходящее, но оба «Клатча» уже были в руках. Один из них смотрел на выход из переуллка, а второй уперся точно в лоб стоящей за моей спиной девушке. Девушке? Нееет.

– Алистер-сан! АЛИСТЕР-САМА!! Не делайте этого! – вопль Кикиути настолько походил на тот, что я слышал лишь несколько часов назад, что я начал приглядываться к будущему трупу, пытаясь разобрать в стоящем передо мной существе признаки Легран. Сознание помутилось настолько, что я принял горничную за Это?

Раздавшееся девичье ахание за спиной подбежавшего японца утвердило меня в мысли, что с рассудком все в относительном порядке. Анжелика стояла, прикрыв ладонью рот, и смотрела то на меня, то на заднюю часть моей мишени. Дуло свободного пистолета затанцевало между головами Кикиути и Легран. Не угрожающе, предупреждающе.

– Мистер Кикиути, вы опять за старое? – раздраженно спросил я японца, отслеживая глаза взятого на прицел существа и плотнее упирая ствол ему в лоб.

– Не убивайте девушку! – возопил продолживший меня разочаровывать японец.

– Это не девушка, а демон, – тут же поправил я его, взводя пальцем курок револьвера, играющего ограничительную роль для японца и горничной, – Или вы хотите сказать, что я один вижу эти звериные уши и хвост?

Существо совершенно точно не являлось человеком, я это осознал, еще не видя его, по голосу. Сейчас, рассматривая нечто, крайне похожее на молодую девочку-подростка, обряженную в длинное платье из плотной шерсти, я не только видел ее расширенные глаза с цветом радужки лимонно-желтого цвета, не только наблюдал крупные кошачьи уши, прижатые сейчас к голове и безвольно замерший хвост. Еще я чувствовал его – запах крупного кошачьего.

Безо всяких сомнений, передо мной абсолютно точно стояло сверхъестественное существо, имеющее множество человеческих черт. А значит – чрезвычайно высокоразвитое и предельно опасное.

Из уголка правого глаза существа выкатилась большущая слезинка и медленно побежала вниз по щеке. Я удивился. Раздавшийся следом гневный вопль Кикиути Нобу, после которого последовало просто море грязной, площадной английской брани, заставило меня начать подозревать нечто неладное.

Внятные слова далеко не сразу начали вычленяться из того потока, который полноватый японец с искаженным в ярости лицом возносил к небу. Хула на меня, как на бездумного и социально опасного убийцу, перемежалась с лекцией, что на территории Японии проживают представители других разумных видов, обладающие всеми правами граждан этой страны. Духовные сущности, обладающие устойчивой материальной оболочкой. Настолько устойчивой, что способны иметь потомство с обыкновенными людьми, так что сейчас я готовлюсь застрелить совершенно невинный плод подобного союза, и Кикиути меня искренне за это ненавидит.

Если так подумать, то в словах моего учителя японского было зерно правды. Стоящее передо мной создание демонстрировало все признаки того, что оно в шоке, ему страшно, и совершенно не хочется получить пулю из револьвера. Искренность пантомимы подчеркивали текущие уже целыми двумя дорожками слезы. Ну, вряд ли бы настоящий демон так испугался бы от перспективы получить в лоб всего лишь кусок свинца. Выстрел бы дезориентировал и немного помял бы его физическую оболочку, что категорически не фатально для таких существ. Вывод – Кикиути прав и опасность для меня отсутствует.

– Мисс, – деликатно улыбнулся я, убирая револьверы в карманы, – Позвольте мне извиниться за доставленные неприятности...

– Мн... мнээ... – слабо произнесла жертва недостаточной компетенции Кикиути Нобу в области преподавания. В ее широко раскрытых глазах быстро начал разгораться огонек разума, – Мнээ...?

А нет, я ошибся. Это был огонек слепой паники. С бешеным воплем-мяуканием существо прыгнуло выше моей головы, вцепилось пальцами с появившимися на них когтями в стену, и, завывая как стадо бешеных кошек, скрылось за углом, перебирая конечностями прямо по каменной кладке. Еще где-то минуту до нас доносились затихающие вдали вопли, которые мне чрезвычайно сложно было характеризовать.

Я посмотрел на замолчавшего японца и прислонившуюся к стене переулка горничную, явно испытывающую определенные проблемы с устойчивым равновесием. Отдав себе приказ запомнить этот момент и прояснить его у Легран, когда мы будем располагать временем, я закурил, морщась от боли в щеке. Кикиути стоял, тяжело дыша и глядя на меня с воинственной неприязнью. Разрядить атмосферу мне показалось удачным ходом.

– Инцидент вроде исчерпан, – поделился я с наливающимся мрачностью японцем, – Моя несостоявшаяся жертва полна сил и, очевидно, отказалась от претензий. Почему бы нам не продолжить экскурс...

...и на этом месте я потерял сознание.

Глава 4

Давным-давно со мной в жизни приключились несколько эпизодов – я засыпал во сне. Фальшивое пробуждение было чрезвычайно забавным и запоминающимся событием даже после того, как я просыпался полностью, разум продолжал осознавать такой забавный казус. Заснуть во сне, проснуться там же... На этот раз судьба продемонстрировала мне версию для взрослых.

Сначала глаза открыл, уставившись в побеленный больничный потолок, никто иной, как сам Алистер, четвертый сын графа Эмберхарта, владельца черного замка Гримфейт и окрестных земель. Он полежал около минуты, вспоминая события, которые привели его в госпиталь, но запустить мыслительный процесс несчастный сквайр не успел. Он проснулся во второй раз, переживая смерч событий своей первой жизни. Посещавшие его ранее видения, клочки знаний и воспоминаний, обрывки чужого опыта – всё это бурлило и кипело, выстраиваясь в одну стройную, но очень громоздкую систему.

Это было лишь начало. Сам Алистер себя чувствовал как маленький стальной треугольник, на котором нарастают все новые и новые слои материи – сталь, дерево, плотная ткань, перьевые стабилизаторы... аналогия, конечно же, но именно так, сквозь очередь ощущений «пробуждения» восставал из сна я. Весь.

Прошлый мир, первый мир... а первый ли? Нет, скорее всего, лишь тот, что я помню. Живущий на газе, угле, нефти и электричестве. Интернет, открывший эпоху дешевого вранья и рекламного спама, эстетика демократических свобод, опирающаяся на рыночную экономику, дешевые и просроченные субпродукты... Ха, Алистер правильно оценил свои смутные воспоминания. Я не был кем-то значимым, но подобное в той жизни можно было сказать о ком угодно. Мир был завален громадьем бесполезной информации.

Она меня и спасла. Сбрасывая налипшую на душу прорву бесполезной дряни, скармливая ее жадным щупальцам Реки Душ, я вырвался из притяжения великого Потока, ударив почти в целостности и сохранности туда, где мне ничего не грозило. Там я и заснул, убаюканный Тишиной. Пока некто не притащил меня Его Сиятельству графу Эмберхарту, как зажигалку в подарок!

Части сознания едва ли не с металлическим клацаньем вставали каждое на свое место. Я был, есть и останусь параноидальным и надменным Алистером Эмберхартом, англичанином, джентльменом и искренним любителем ставить точки в вопросах с помощью огнестрельного оружия, но к этому сейчас прибавляются массивы знаний и умений, позволяющих как многое вспомнить, так и на многое взглянуть с другой стороны.

Взглянул.

И едва не заорал вслух от переполнивших меня чувств!

Что. Это. За. Дурацкий. Мир???

Ерзая в кровати, я безумно бормотал про себя, временами хихикая. Почти 3295-ый год, и он считается от смерти волшебника?! Отсутствие нефти и газа? Несколько... десятков... апокалипсисов, после которых человечество каждый раз начинало практически заново?! Сибирь, зараженная миазмами?! Австралия как оплот безумной биосистемы, бывшей когда-то частью защитного периметра у архимагов прошлого?!!

Это... были мелочи. А вот РАЙ, то есть натуральные, всамделишные, полностью существующие НЕБЕСА, висящие над Индией и Китаем – это уже было за гранью логики и космогонии. Да, висящее в воздухе... нечто, на котором живут боги, демоны и прочие бодхисатвы индусов и китайцев. И это... образование потребляет весь эфир с территорий, находящихся под ним, из-за чего обе страны в глубоком техническом варварстве.

И это все даже не верхушка айсберга, а так, первый шок неподготовленного сознания, половина которого удивляется, а вторая невозмутимо пожимает плечами. Я откинулся на кровати, заложил руки за голову и стал методично перебирать воспоминания, «наслаждаясь» новой точкой зрения. Требовалось переосмыслить некоторые моменты уже об этой жизни, которые «старый» Алистер не помнил.

Интерлюдия

– Началось, – с удовлетворением в голосе произнесла скрытая в глубине комфортабельного кресла фигура, – Мне прислали радиogramму о том, что он в больнице после обморока.

– Это именно то, что должно было произойти? – с сомнением спросили из зеркала, – Парень только из передраги, возможно, бился головой о твердое...

– Нет-нет. Все идет так, как должно. Дворецкий сообщал о том, что видел признаки сильной мигрени, – сидящий в кресле задумчиво пыхнул трубкой, – ...теперь он полноценен.

Силуэт собеседника в зеркале пришел в движение. Человек что-то отпил из невысокого стакана, удовлетворенно причмокнул губами, сложил руки так, чтобы кончики пальцев касались друг друга.

– И у тебя нет опасений, что «полноценный» начнет свою игру?

Скрытый в глубинах кресла рассмеялся. Звуки его смеха заставили собеседника испытать шок и трепет – там звучала неподражаемая смесь эмоций, среди которых доминировала горькая зависть.

– Парень будет следовать плану. Ему популярно описали, насколько близок его статус к ворам тел, которых отстреливают как бешеных собак. Он понимает свое место в жизни. Он будет осторожен. Идеальный исполнитель, у которого нет ни единого повода что-то исказить... – скрытый помолчал, но решил добавить, – Наши дела его не сильно интересуют, друг мой.

– Откуда он о них вообще может знать?! – чуть не поперхнулся силуэт в зеркале, как раз отпивающий из своего стакана.

Скрытый хмыкнул.

– Я имел в виду наш мир, – пояснил он кашляющему собеседнику и замолчал, попыхивая трубкой. Выдержав паузу в пару минут, скрытый обронил, – Это его и погубит.

– Так! Это все лирика! – хлопнул по столу ладонями человек-в-зеркале, – У нас новая фаза. Обговорим все еще раз!

– Зануда, – припечатал его скрытый, – Оставляешь его в покое. Снимаешь наблюдение, никаких больше провокаций. Вообще не шевелимся, смотрим, как он учится, как выполняет поручение. Издалека и осторожно. Когда просьба Ишикава будет выполнена, начинаем третью фазу. До нее еще далеко.

– Как скажешь, – недовольно пожало плечами отражение, – Но как по мне – ты чересчур многое бросаешь на самотек. Это может аукнуться.

– Садовник не бьет палкой яблоки, чтобы подстегнуть их рост.

Сняв с головы повязки, врач подтвердил, что заживление проходит успешно. Раны на лице и груди обработали мазью и вновь спрятали под бинтами – разрезанная и сшитая половина лица пока была не совсем тем, что я был готов показать обществу. В остальном, собранный консилиум из японских врачей и улыбчивых медсестер в оскорбительно коротких халатах улыбчиво подтвердил, что я здоров как бык и могу их покинуть.

Несколько дней, проведенных в больнице, помогли устаканить оба набора жизненного опыта в некий органичный дуэт – вел партию Алистер, а опыт прошлой жизни пытался примирить английского подростка с шоком японской действительности. Иногда это получалось не очень хорошо, особенно при виде медсестер. Я одновременно испытывал два чувства при виде их обнаженных ног – оторопь и уверенность, что это нормально. С другой стороны, девушкам

определенно требовался дополнительный источник шарма – среди прекрасного пола Японии и Англии женская привлекательность определенно было ужасным дефицитом.

К моменту выписки удалось прояснить отношения с оставшейся со мной в больнице Анжеликой Легран. По словам этой миленький курносой девушки, ставшей куда более спокойной в моем присутствии, было ясно, что причиной ее панической атаки стали два обстоятельства – недостаток информации и слова Монтомгери Скарлетт, в девичестве Эмберхарт. Моя единственная старшая сестра, даже выйдя замуж, не утратила ни грана злого озорства, застрашав бедную полуфранцуженку-полуангличанку до потери пульса. Именно она порекомендовала отцу нанять Легран, но заботливо снабдила ту ужасающими и насквозь фальшивыми новостями о своем младшем брате. В письме. Оказавшись в Японии, буквально – в клетке, из которой девушке было совершенно некуда деться, Анжелика впала в ужас, прочитав о таком злобном и похотливом мне. Мда... и ведь Скарлетт на полном серьезе считает это шуткой.

– Мистер Уокер, я испытываю потребность в толстом ежедневнике. Озаботьтесь покупкой нескольких экземпляров. На первой странице того, что вы мне вручите, напишите, пожалуйста, пункт номер один – «Отплатить Красной Ведьме».

– Да, сэр.

Направляясь домой на том же автоматическом мобиле представительского класса, я по новой рассматривал сидевших напротив меня... сотрудников. Новая личность Алистера с великой готовностью впитала мою застаревшую антипатию к термину «прислуга», и это соответствовало логике молодого английского лорда высокой породы. Или... пародии на него. Подчиненные и соратники? Да. Как минимум, пока мы на миссии. Впрочем, в самом замке Гримфейт его немногочисленная прислуга вела себя куда как чопорнее хозяина.

Уокер выглядел как образцовый дворецкий и вел себя соответственно, хотя, если следовать традициям и устоям, был немного молод для этой роли. Сухопарый и невозмутимый, англичанин сидел напротив меня, замерев в одной строгой позе. Я прошелся взглядом по его черному фраку, белоснежной рубашке, серому галстуку. Прекрасно, граф Роберт явно угадал с ним в точку, учитывая, что мне придется посвятить человека в куда большее, чем тот сам может вообразить. «Лицо» Эмберхартов полностью соответствует всем требованиям и ожиданиям.

Анжелика... была чрезвычайно привлекательной девушкой. Сейчас, после визита в токийский госпиталь, это бросалось в глаза особенно ярко. Милое круглое личико с носиком «кнопкой», большие серые глаза, открытые широко и беззащитно, стройное тело, явно привычное не к грубому физическому труду, а к спортивным упражнениям. Уродовать такую красоту, возлагая на девушку большую часть уборки особняка, я считал преступлением. Определенно бы еще стоило понизить градус ее робости в моем отношении...

– ...Милорд, – неожиданно обратилась она ко мне, пунцовея щеками.

– Мисс Легран, в данных обстоятельствах... – тут же сухо заметил Уокер, – Мы не можем звать сэра Алистера «милордом». Пока мы работаем на его отца, лорда Эмберхарта. Прошу это учесть, а так же то, что ситуация в будущем может измениться.

К чести девушки, эта отповедь не отпугнула ее от обращения. Немного запинаясь, она все-таки высказала свой вопрос – можно ли ей носить очки? На мое искреннее недоумение был дан поспешный и сбивчивый ответ, что ношение очков может считаться признаком неполноценности работника, поэтому она старалась обходиться без них. Что вызывает определенные проблемы, поэтому, если «сэр Алистер» не против...

Я был не против, о чем сразу и многословно поведал, присовокупив просьбу обращаться по любым вопросам ко мне незамедлительно, пока штат особняка это позволяет. Последний показатель я собирался изменить любой ценой в сторону увеличения.

Дни до моего дня рождения в конце марта пролетели незаметно. Особняк был слишком велик для троих, поэтому пришлось трудиться всем с утра до вечера. На мою долю пришлось обустройство одного из подвальных помещений в Малый Зал Владык, доступ куда был ограничен всем, кроме меня и членов семьи Эмберхарт, если они соизволят нанести визит. Эти усилия послужили неплохой физической зарядкой, а совместные приемы пищи среди нашей уставшей троицы позволили неслабо подточить существующий ледок в общении. Последнее, впрочем, было моей инициативой, как человека, объявившего военное положение до начала учебного года. Эта отчаянная мера позволила изгнать из кухни Уокера и Легран, которые о готовке знали лишь то, что она происходит на кухне. В ином случае, мы бы просто не выжили. Пережарить бекон для этих двоих было занятием проще, чем дышать!

– Поздравляю тебя с совершеннолетием, «сын», – с мрачной иронией произнес лорд Эмберхарт в отражении зеркала, – Мне доложили об инциденте в городе. Значит, ты все вспомнил?

– Да, как мы и планировали, лорд Эмберхарт, – хмыкнул я, раскуривая сигарету, – Хотя, если хотите знать мое мнение, не чувствую особой разницы. Искра у всех одинакова.

– Разницы и не будет, пока все наши договоренности соблюдаются обеими сторонами, сын, – уже более искренне и даже с некоторым облегчением сказал лорд, – Хотя ты сейчас больше похож на швейцарского наемника после вояжа в Сибирь.

Я хмыкнул и потер пальцами лицо. Два шрама составили косой крест на левой половине моего лица – узкий и тонкий от клинка убийцы, застреленного Уокером, шел от виска до скулы почти вертикально вниз. Второй, более толстый и рваный, оставленный метательным ножом в форме звезды, пробороздил мне щеку от нижнего уголка губы до мочки уха.

– Это лишь поможет, – туманно высказался я и резко перешел к конкретике, – Каков мой статус, лорд Эмберхарт?

– Пятнадцатилетний дворянин, отлученный от семейного лона, но не оставленный его заботой... – задумчиво протянул мужчина, чьи виски только начали сесть. Его взгляд затуманился, – Учитывая, что ты четвертый сын такого рода как наш, то само твое существование будет вызывать любопытство. Древние Рода не совершают таких бестактностей, как неумеренное размножение. Как совершеннолетнему, я тебе сейчас передам право распоряжаться всеми активами рода в Японии, следовательно, покажу всем и каждому, что твоя опала – сугубо наше внутреннее дело. В целом все сводится к тому, что ты не можешь говорить от лица семьи, не можешь рассматриваться как претендент на консортный брак со своей инициативы, не отвечаешь по семейным долгам. Остальные ограничения тебе известны.

– Так точно, сэр, – я язвительно отсалютовал почти докуренной сигаретой, – Подружись с японцем простолюдином, устрой для него и чуть ли не всей страны красочное шоу, учись в академии, где все ходят безоружными... А в свободное от всего этого время – будь добр помочь союзникам семьи. Я уже просмотрел списки, отец. Наши... союзники имеют удивительно много счетов к людям этой страны.

– И в чем вы видите проблему, могущую воспрепятствовать выполнению ваших обязательств, сэр? – проскрежетал английский лорд, не терпевший подобного моего тона.

– В отсутствии транспорта, лорд мой отец, – криво оскалился я, заставляя Эмберхарта-старшего сменить гнев на удивление, – Местные жители используют либо давным-давно устаревшие мобили с внешним танком из серенита, либо гибрид воздушного шара и дирижабля. В некоторых случаях – паланкин с носильщиками. Ни один из этих способов мне категорически не подходит. На время жизни и учебы в Японии я запрашиваю у вас Баркера!

Ставки сделаны, господа. Наблюдая с все усложняющимся по ходу мыслительной деятельности лицом лорда, я понял, что победа будет за мной. Отказать Роберт мне может и сильно хочет, но, зная мою неистовую нелюбовь к транспорту, который легко взорвать или уронить – не будет. У семьи есть определенные и весьма обширные обязательства на этом острове, а Марк Баркер и его карета все равно пылятся без дела круглый год – Эмберхарты уже три поколения предпочитают использовать... менее эпатажный транспорт. А вот мне гомункул-возничий и его теневые парнокопытные подойдут идеально. Ухода за ними не нужно, только здание, где они будут скрыты от глаз людских. Идеальное решение.

– Я пришлю к тебе Баркера, – с видом съевшего таз лимонов человека сообщил мне лорд. Но тут же расплылся в улыбке еще более язвительной, чем моя, – Но я запрещаю тебе отцовской волей иметь штат слуг более... шести, имеющих разум! Помни – не выделяться!

Это был удар ниже пояса. Скривив до боли собственную, не до конца зажившую физиономию, я попытался достойно пережить ответку. Шесть! Дворецкий, горничная, повар, служанка и секретарь обязательны! А тут еще как минимум нужен садовник! С мыслями о телохранителях пришлось попрощаться...

– В тратах я тебя не ограничиваю, – попытался подсластить граф пилюлю, – В твоём распоряжении будет ежемесячно перечисляемая сумма... скажем, в триста тысяч фунтов... и трастовый фонд. Но деньги со второго будешь брать под строгую отчетность и с обоснованием трат.

Вот это было неплохо. Любой из родов, подобных моему, богат, но есть негласное условие это не афишировать. Поест в ресторане или заказать себе нечто высококачественное, вроде бильярдного стола из черного сибирского дуба? Легко. Купить известную картину? Ни в коем случае. Сейчас курс одного фунта стерлингов по отношению к японской йене около 420-ти, а значит, я получу в месяц 126 миллионов йен на содержание особняка и личные расходы. Даже если дом и заработная плата сотрудникам съедят половину бюджета, второй хватит на все неотложные траты. Кроме...

– Не думаю, что у меня будет повод запустить лапу в фонд... – сказал я одобрительно кивающему графу, тут же обламывая благодушие «родителя», – ...только разве что один раз в ближайшее время. Я собираюсь посетить «Пещеру Дракона».

Лимоны в замке Гримфейт определенно заимели конкурента в моем лице.

– Мне пятнадцать лет, Ваше Сиятельство, – пожал я плечами в ответ на кислоющую мину владельца, – Пришла пора заменить вооружение.

– Советую тебе это сделать позже... – внезапно произнес лорд Эмберхарт, – Месяца через два-три. Пока вам, юный сквайр, это не к спеху – в академии «Якусейсшо» оружие пронести нельзя.

Видимо и у меня дома желтые тропические фрукты останутся невостребованными долгое время. Когда я последний раз был безоружным? Не помню. Это вообще как? Не помню.

– Полагаю, что мы обговорили все существенное, – подытожил Роберт, явно собираясь прервать сеанс.

– Осталось последнее, – поднял руку я, – Надеюсь, лорд, что статус опального члена семьи не лишает меня привилегии обладания фамильяром рода?

– Алистер... – кажется, я довел графа до ручки. Мужчина начал массировать виски, мученически глядя на меня исподлобья, – Что я тебе говорил про то, чтобы ты не выделялся? Я отправлю к тебе твоего Арка, но постарайся его не демонстрировать? На этом все?

– Я делаю что могу, дабы быть готовым исполнить свой долг, отец, – бодро отрапортовал я уныло взирающему на меня мужчине, – Но в первую очередь это включает в себя любые жертвы во имя моей безопасности!

Затухающее зеркало погасило бурчание графа, но, кажется, Его Сиятельство изволили меня обругать.

Выйдя через парадный вход особняка, я прошел несколько шагов, закуривая сигарету в задумчивом ожидании. Древний, покрытый метафизической пылью тысячелетий, опыт прошлой жизни, точнее – прочитанных за эту жизнь книг, подсказывал, что старт нового существования для меня идеален. Я молод, богат, могу за себя постоять, сверх всякой меры знатен и допущен по праву рождения ко многим тайнам этого мира. Казалось бы, большего нельзя представить и в мечтах.

Только вот это не мечта, а оживший кошмар в рамках этого мира. На моей шее ошейник, строго ограничивающий мою свободу. Снять его невозможно – он не наказание, он тело, в которое я попал. Тело потомка одной из Древних Родов этого мира, аристократов среди аристократов. Сила, знания, богатство, тайны – все это уравновешено одним правилом, возведенным в абсолют. Древние не высовываются, они соблюдают статус-кво. Если Роберт Эмберхарт возжелает аудиенции, то он ее получит от любого из монархов мира за считанные минуты. Но стоит ему попробовать купить хотя бы газетный ларек...

Я оглянулся на особняк. Накрапывал дождь. Неплохой домик для одного-двух человек. Чтобы приобрести его здесь, Эмберхарты распрошались с одной сицилийской виллой, люби-

мицей Скарлетт. Может, сестра из-за этого запугала Легран? Хотя... старшие братья и она никогда ко мне хорошо не относились. С чего бы? Они знают, кто я на самом деле.

Раздался отрывистый громкий гай, и я поднял руку, согнув ее в локте. Мышцы напряглись до предела, амортизируя массу шлепнувшейся на предплечье пернатой туши. Восемь с половиной килограммов смолянисто-черных перьев, мышц, здорового клюва и шикарной бороды. Арк, ворон-фамилляр во всей своей мрачной красе. Птица еще раз оглушительно заорала мне на ухо своим бездушным голосом предвестника смерти, и начала устраиваться поудобнее, переминаясь на лапах.

– Сэр Алистер! – от дома быстрым шагом ко мне приближались Уокер и Легран с умеренно взволнованными лицами.

– Мистер Уокер, мисс Легран, – я тоном показал, что ожидаю повышенного внимания к своим словам, заставляя людей остановиться и отвести глаза от гигантского нахохлившегося ворона, – Сегодня обстоятельства изменились. Под их давлением я вынужден сообщить вам, что как совершеннолетний сын лорда Эмберхарта, и с его полного дозволения, принимаю всю меру власти над этим домом, как и над всей собственностью семьи в пределах этой империи.

Дворецкий и горничная выпрямились, утратили суетливую настороженность и принялись поедать меня взглядом.

– В связи с ранее изложенным... – продолжил я витийствовать, стараясь не кривиться от усилий якобы небрежного удержания птичьей туши, – Считаю нужным представиться вам вновь и задать вопрос. Я, сэр Алистер Эмберхарт, сквайр, опальный четвертый сын лорда Роберта Эмберхарта, спрашиваю вас, мистер Уокер, мисс Легран, согласны ли вы продолжить службу?

Короткий поклон дворецкого, книксен горничной и их хоровое «Милорд» поставили точку в этом пафосном стоянии подмокшего подростка, удерживающего ворона-переростка на согнутой руке.

Начало положено.

Глава 5

Аура аристократа это универсальный инструмент, способный как на внешние, так и на внутренние операции. Это воплощенная энергией воля и желание, личная маленькая магия, способная как сыграть роль зажигалки, так и манифестировать себя подавляющей вибрацией. Основной смысл аурной тренировки вовсе не в том, чтобы научиться делать мелкие фокусы – ради этого бы аристократические семьи не стали бы пичкать своих младенцев особыми легкими наркотиками, не стали бы тренировать определенным образом еще не умеющих ходить малышей. Энергия души защищает и насыщает тело, ускоряет заживление травм, позволяет получить полный иммунитет к Буре...

Но чаще и охотнее всего аурное тело используют в Англии для укрепления самоконтроля.

Я стоял в актовом зале на торжественной линейке академии «Якудзёсейшин сёудай» и использовал все доступные мне резервы личной силы, чтобы выглядеть невозмутимо и

отстраненно. Внутри стоящего с видимой легкой расслабленностью тела яростно бушевал двухголовый зверь, орущий на два голоса, но совсем не хором.

«Немыслимо! Беспутно! Вопиющее нарушение приличий! Попрание морали!» – бешено ярилась та часть, что представляла из себя отпрыска английского аристократа. Впитанные из разорванного, но целого Плода память мальчика и полученные от лучших учителей Британии знания подвергались неслыханной культурной атаке. Юные девушки! Из лучших семей Японии и не только! В юбках по середину бедра?!

«Да куда я попал?!» – орала внутри неподвижного смуглого тела остроносого подростка душа, проспавшая невероятное количество времени в Пустоте – «Что это за дела? Почему они такие красивые?! Я же видел японок в госпитале, они были вполне нормальные! Что это такое?! Почему у них разноцветные волосы?!»

Некая небольшая часть моей сущности, та, откуда росли обе эти орущие головы, невозмутимо сидела, скрестив метафизические руки, и делала лицо кирпичом.

«Вас обоих не удивляют эфирные технологии, колоссальные супердеревни-хабитаты с тысячами теплиц, натуральный Рай, висящий над половиной Евразийского континента, личные четырехместные дирижабли, на которых прибыла половина из здесь присутствующих учеников... То, что вы – сын графа Эмберхарта, одного из шести Лордов Дела Великобритании, известного ну в очень узких кругах как Лорд Демонов? Нет? Вас поразили разноцветные волосы и прекрасная внешность японских барышень в мини-юбках? Seriously?»

«Это не то!!» – заорал я внутри себя на несколько голосов так, что пришлось даже оглядеться. Атмосфера в большом зале стояла... *насыщенная*.

Единственными не напряженными до смертного предела людьми в помещении были выступающий сейчас директор академии и стоящие вдоль одной из стен учителя. Более того, я на полном серьезе был уверен, что все эти солидные и немолодые люди всю наслаждаются открывающимся у них перед глазами зрелищем. Если преподаватели просто стояли, изображая мудрый и взрослый вид приблизительно на 5 из 10 по моей собственной оценке, то директор с трудом бы потянул на 2.

Высокий жилистый японец, с собранной в конский хвост шевелюрой песочно-желтого цвета, но с русыми бровями, усами и бородкой, явно наслаждался представшим перед ним зрелищем. От этого молодежьавого человека, вряд ли переступившего порог в сорок пять лет, всю веяло довольством и позитивной энергетикой. Которую слушающие... или, скорее, делающие вид, что они слушающие, будущие ученики не *раз-де-ля-ли*.

Смушение, скованность, стыд, потерянности, застенчивость, СТЫД, возбуждение, осуждение, недоумение... Ворчащие внутри меня два зверя победно взвыли и зашевелили своими носами, втягивая в жадные ноздри столь сладкий для них запах эмоций. Обрубив буянам этот канал подпитки, я постарался расфокусировать свой взгляд, дабы продержаться до конца.

– Дорогие наши новые ученики! – тем временем энергично и белозубо продолжал Асаго Суга, – Вы приняты в академию Якудзёсейшин сёудай – одну из трех великих академий искусственного острова Гаккошима! Здесь вы проучитесь в течение пяти лет, получив все необходимые вам в будущем знания, будете бороться за первое место в великом конкурсе острова, соревнуясь со школами Куросёбанаэн и Ясукарантей! Это Великое Трио лишь недавно распах-

нуло свои гостеприимные двери для жителей других стран, но мы, директорат Гаккошимы, вместе с Императором и его двором, уверены, что примем новых учеников в наши стройные ряды с радушием и согласиём...

Я снова повел глазами по сторонам. Вопли внутри утихли, эмоции выгорели достаточно, чтобы самоконтроль прекратил нуждаться в аурной подпитке. Униформа школьников была обязательной для ношения и отличалась практичностью и однообразием. Если брать в пример мальчиков. Брюки, удобные туфли, белая рубашка, вполне просторный пиджак, галстук. На левом лацкане прикреплен металлический значок школы, а под ним полоска, белая или черная...

– ...белая или черная! – вернул на себя мое внимание директор, – На территории Гаккошимы действуют правила Убежища! Вы все, вне зависимости от положения в обществе, богатства и мощи, нашли здесь приют, а значит – для всех учеников академий запрещена дискриминация по рангу, классу, древности рода и иным меркам! Тем не менее, администрация нашей Якусейшо понимает, что могут возникнуть спорные ситуации, которые могут быть разрешены в дуэлях! Ученики с черной ленточкой имеют право выяснять свои отношения везде, где они не нанесут вред городу или ученикам с белой ленточкой. Те, кто носят белую ленту, могут вместо дуэлей решать возникшие вопросы с помощью соревнований или вне острова! Белая лента обозначает, что ученик не идет путем боевых искусств!

Я посмотрел на свою ленту под значком. Белая. Логично, так как в рукопашных схватках я мало что смыслю, а со своим арсеналом или мечом... слишком травмоопасен. Вряд ли японские врачи умеют приживлять конечности. Можно вернуться к своим мыслям. Итак, девушки...

Ботинки, жакет, гольфы, закрывающие колени, и белая рубашка с небольшими кружевами никак не могли вызвать неодобрения. Юбки... вот в чем крылась причина смущения всех и каждого в зале, кроме взрослых. Они были короткими... совсем короткими... «Да они в два раза короче, чем нижние панталоны на молодых английских девушках!» – вновь взбеленился сын лорда.

...и обладательницы этих деталей одежды, все и каждая из них, горели ушами и щеками, явно страстно желая умереть на месте. Хотя... на немалой части девушек, включая всех, носящих на жакете белую полоску, было еще нечто черное, полупрозрачное и обтягивающее ноги. «Колготки» – наставительно сказала Старая часть, передавая необходимый пакет знаний. Действительно они. Но, глядя на лица иностранок в колготках и мини-юбках, я прекрасно видел, что тем куда хуже, чем японкам. Они не страстно желали смерти, а уже прошли долиной смертной тени, вознесли чахлые цветы скорби на алтарь своей чести с добропорядочностью, и теперь тихо истлевали на стульях.

В финале своей речи, директор Асаго Суга сделал неожиданную и долгую паузу, привлекая внимание даже почти дотлевших девочек. Он оперся обеими руками на трибуну, легко поднял свое тело в воздух на одних руках и, выдвинувшись таким образом вперед поверх трибуны, внимательнейшим образом обозрел учеников.

...расцвел воистину не японской улыбкой, показав множество белых зубов.

...и протянул в сторону преподавателей кулак с оттопыренным вверх большим пальцем, сопроводив жест победным воплем – «Ни одного обморока!». Преподаватели горячо зааплодировали, а я совершенно утратил связь с реальностью. Куда я попал? Стоп, это уже было. Снова?

После того, как директор удалился за кулисы, его место заняла одна ученица из зала. Лучшая по вступительным баллам, Эми Арай выделялась роскошной гривой темно-синих волос и уверенностью, с которой начала чеканить явно вызубренную до интонаций приветственную речь. В сам смысл «дружбы, равенства, усердия» никто особо не вникал, но вид уверенно стоящей за трибуной девушки в короткой черной юбке-разлетаике, благотворно влиял на морально уничтоженных представительниц слабого пола. У некоторых даже появлялись в глаза огоньки разума и жизни. Особо вертеть головой, как какой-то простолюдин, я, конечно, не мог – но вполне удавалось осмотреть близлежащих учеников, скучающе вздыхая и отводя взгляд от красавицы Арай.

После церемонии, юношей попросили покинуть зал и немного подождать в парковых зонах академии, чему мы были только рады. Я выбрал себе окруженный стенами одного из корпусов тенистый закуток с лавочками и деревьями, злобно выдрал уютно пригревшийся в кармане портсигар, и прикурил от огонька на пальце, свирепо впившись губами в сигарету. Затяжка показалась мне глотком небесной манны, оседающей на подгоревших и надорванных нервах. Жадно выкурив два «эксельсиора» подряд, я внезапно понял, что нахожусь в этом тесном скверике далеко не один. Условную компанию мне составляли двое... условных подростков. На лавочке, прикрыв лицо рукой, из-под которой было видно только счастливую белозубую улыбку, лежал крепкий невысокий шатен. Второй, высокий широкоплечий детина с соломенными волосами, стоял на газоне, методично бодая лбом жалобно трясущее весенними ветками дерево.

– Срамота... срамота-то какая... – гудел детина монотонно и как-то жалобно. На чистейшем русском языке, – Как жеж жить-то? Жить-то как?

– Je suis au paradis... – шептал лежащий. Кажется, на французском.

Спустя пять минут и еще одну выкуренную сигарету, я понял, что мое самообладание все-таки лучше, чем у большинства сверстников. Оба из них не выходили из цикла, продолжая с разными интервалами повторяться. Стоило начать налаживать отношения с возможными одноклассниками, поэтому я решил вмешаться, а незнание французского языка определило дальнейший ход событий.

– Ну что же вы так убиваетесь, сэр, – начал я на чистом русском, обращаясь к верзиле, – Во-первых, вы так точно не убьетесь, а во-вторых – скорее всего, существуют весьма весомые предпосылки, возможно, даже необходимость, вменяющая ученицам академии одеваться именно таким образом...

– Эээ? – медленно вышел из протрации и территории газона верзила, недоверчиво рассматривая меня бледно-зелеными глазами с сурово вырубленного нордического лица. Спустя минуту он прогудел, – Ты же вот сейчас по-русски сказал?

– Смею надеяться, что да, – я выполнил короткий полупоклон, – Алистер Эмберхарт, сквайр, четвертый сын графа Эмберхарта, ваш возможный одноклассник. С кем имею честь вести беседу?

– Так... погодь! Погодь! Давай лучше на японщине! – внезапно запаниковал здоровенный тип, который на пятнадцатилетнего не был похож совершенно, – ...а то мне тут послышалось, шо ты себя Алистервью назвал, и уже кого-то поймать успел... али грозишься...

От такого пассажа я чуть портсигар не выронил. Под нервно выкуриваемую сигарету, мы все-таки сумели преодолеть языковой барьер, но не до конца. Бугай, представившийся Евгением Распутиным, наотрез отказался звать меня «Алистервью», предложив свой вариант в качестве «Алеш». Я подумал и согласился – в Японии, насколько мне было известно, были чрезвычайно популярны прозвища для знакомых и друзей.

Пока мы находили общий язык, до конца очнулся валявшийся на лавке брюнет. Убрав руку и продемонстрировав правильный овал лица с немного горбатым носом и хитрыми черными глазами, он молниеносной пантомимой показал нам обоим, что сильно разочарован в половой принадлежности стоящих возле него аристократов, но так уж и быть – согласен продолжить дальнейшее существование, и даже вступить в разговор. Выразив надежду, что мы вскоре воссоединимся с обществом прекрасно одетого прекрасного пола, француз бесовестно попытался начать обсуждать подмеченные им прелести отдельных его представительниц, из-за чего мне пришлось нарушить личное пространство Распутина – сцепившись в руку великана, я предотвратил его возврат к дереву. Русский, кстати, в отличие от нас с французом, щеголял черной полоской на пиджаке.

Наш разговор был прерван резко и внезапно. Сначала раздался негодующий и яростный девичий крик, быстро сменившийся резким и гортанным выкриком, в котором мне послышались металлические отголоски, затем мимо нашей троицы протащило по асфальту тело, разбрасывающее во все стороны клочья одежды и выплески голубоватой энергии. «Не жилец» – автоматически подумал я, вспоминая эпизод из прошлого, в котором лондонский пьянчужка встретился с набравшим разгон мобилем. Тормозной путь пьянчужки по брусчатке был куда короче. Каково же было мое удивление, когда тело, полежав секунды три, встало на ноги и припустило дальше на своих двоих, под аккомпанемент девичьих ругательств.

Поспешно выйдя из скверика, я обнаружил тесно сбившуюся группку молодых девушек с красными лицами, а так же еще одну жертву... непонятно чего. На асфальте, совсем недалеко от представительниц прекрасного пола, бездыханно лежал невысокий черноволосый юноша и истекал кровью... из носа. Подойдя к жертве, я с горечью убедился в провале моей миссии. Труп принадлежал Таканаши Кею, чьи фотографические карточки я получал регулярно годами, обознаться было нельзя. Ну что же, покойся с миром, несчастный. А я пойду, подам документы на перевод и пойду назад в благословенный логичный Лондон, где женщины носят одежду ниже пояса и по улицам не летают неубиваемые подростки.

Труп вытолкнул носом еще струйку крови и сделал глубокий выдох. Возмущенный шум девушек, которые все как одна стояли, прижав ладонями юбки, оповестил, что продолжающуюся жизнедеятельность японца они не одобряют.

– О! Он живой! – прогудел за моей спиной Евгений и тут же внес предложение, – Алеш, давай его к врачу отнесем?

– Мы не знаем, от чего он пострадал, – отрезал я, продолжая разглядывать немного окровавленное, но определенно живое и даже не побитое тело, – Нельзя его трогать!

– Вполне можно, господа! – из толпы девушек пробились вперед очень симпатичная блондинка, чьи волосы завивались бесчисленными кудряшками. Горящий румянец на щеках здорово оттенял огромные глаза с лазурной радужкой, – Этот бедный юноша просто увидел слишком многое! Его вина неоспорима, но нанести ему вред, к нашему глубочайшему сожалению, никто не успел! Этот негодяй потерял сознание сам, поэтому, если вы будете так любезны, что отнесете его к доктору, а потом сопроводите к нам обратно, мы будем крайне благодарны!

Выпаленные как из пулемета слова встретили мое полное непонимание, но горячее одобрение остальные девушек. Решив с Распутиным не вникать в чужие сложности, мы заткнули телу нос платком и вдвоем понесли его в академию. Медпункт должен был располагаться справа на первом этаже... вроде бы?!

– Инамори-сан, прости меня пожалуйста!! – веселый голос заорал на весь немалый двор, где происходило действие. Я остановился, неверяще глядя на кричащего. Это был тот самый ободранный тип, который после страшного энергетического удара протащило мимо нас по асфальту. Тип отсвечивал лохмотьями, наглой улыбкой, карминно-красными волосами, японской национальностью и чувствовал себя, судя по всему, замечательно. Это вообще как?!

Группка девушек вновь пришла в движение – из нее вырвалась высокая худенькая японка с белоснежно-серебристыми волосами, собранными в два толстых объемных пучка за ее спиной. Глядя ненавидящим взглядом на оборванца, девушка сделала перед собой несколько сложных и выверенных жестов руками и пальцами, а потом полыхнула энергетикой с такой мощностью, что у меня аж завибрировала аура! Да даже «отец», находясь в фамильном замке, на такое способен не был! Эффектом упражнений девушки стала огромная волчья голова, сотканная в воздухе из подобия снежинок и тут же с громким воем рванувшая к красному-наглому-типу. Тот, моментально сбледнув с лица, сразу же задал стрелача куда подальше. Голова волка, продолжая завывать, свернула вслед за беглецом за угол, а я вновь обратил взгляд на тяжело дышащую девушку, которая стояла, уперев ладони в колени.

Что-то мне все меньше нравится как эта академия, так и эта страна.

– Эмберхарт Аристер-кун? – ко мне подбежал зеленоволосый японец с метками третьего года обучения, – Вас вызывает директор Суго. Пойдем, я тебя провожу!

– Синтоизм, Эмберхарт-кун, это то, что оказало фундаментальное влияние на быт нашей империи, – читал мне лекцию директор, расхаживая по кабинету, заложив руки за спину. Слушал я внимательно, так как именно этот уважаемый, но странноватый тип был единственным, кто полностью был в курсе моей миссии среди педсовета Академии, – Наши духи очага, боги, хранители и даже демоны – все они получали чрезвычайно малое количество энергии веры от жителей острова! Постепенно они научились выживать, встроив в свои жизненные циклы такую несвойственную духовным сущностям вещь как «смерть». Слабые развеивались, их энергия укрепляла остальных. Круговорот энергии в природе и человеческих поселениях, год за годом, век за веком. Рано или поздно должен был случиться качественный скачок таких

духовных трансформаций. И он случился. Часть духов научилась принимать полностью материальный облик. Мы их назвали Иным Народом...

– Я уже встретил в Токио полудуха-получеловека, – вставил я свои пять пенсов, тут же добавив, – Едва не застрелил от неожиданности.

– Ваш сенсей разве не упоминал об особенностях нашей страны? – неприятно изумился Суго, но тут же помотал головой так, что хвост его пшеничных волос заколотился, как у половозрелого жеребца, – Нет-нет, давайте сначала о главном, Эмберхарт-кун! Стрелять в Японии ни в кого не нужно! Мы гордимся тем, что являемся страной с самым низким уровнем преступности в мире!

– Меня в поезде атаковало шестеро вооруженных клинковым оружием мужчин, – начал меланхолично перечислять я, – Потом, не далее как полчаса назад, я определенно наблюдал на территории академии как минимум два энергетических приема неизвестной мне природы, потенциал каждого из которых совершенно точно был смертелен для человека. Далее, в самом Токио, пусть даже из-за нелепой ошибки, но я оказался свидетелем бегства полу-человека, который продемонстрировал физические кондиции, о которых лучшие атлеты мира могут только мечтать. Что еще, господин директор? Наверное, Бури, во время которых аристократу определенно стоит быть вооруженным. Это наш долг перед человечеством, который я намереваюсь исполнять, как полагается. Прошу меня извинить, но я не прислушаюсь к вашим словам насчет пацифизма. Мне нужны калибры побольше.

Японец натурально надулся, сел за свой монументальный стол и оттуда обиженно на меня посмотрел. К этой пантомиме я отнесся абсолютно индифферентно, со своей безопасностью я шутить не собирался. Явно имея об этом представление, Асаго Суго высказался, что я имею право на свое мнение, но проносить в академию любое оружие строго запрещено, кроме как в оружейный шкафчик каждого студента мужского пола на случай Бурь, и если таковое требуется для клубных занятий. Потом он вернулся к предыстории, связанной с моей миссией.

– Япония веками была в состоянии феодальной раздробленности, Эмберхарт-кун, – разглагольствовал он, – В следствие чего сложилась традиция сочетаться браком с духовными сущностями. Потомки, в которых преобладал духовный аспект, забирались представителями Иного Народа, а те, в ком силен был физический – оставались людям. Как ты можешь заметить, подобное кровное родство и перемешивание крови очень благотворно сказалось на современной японской аристократии. Они куда красивее и гармоничнее сложены, чем простолюдины, обладают огромным, по сравнению с другими нациями, запасом духовных сил и...

Рассказывал директор достаточно долго. Все свелось к описанию ритуала-договора, утвержденного между аристократическими семьями Японии и представителями Иного Народа. Каждые двадцать лет рождаются двое детей, мальчиков, почти всегда – из простонародья. Оба с рождения наделяются чрезвычайно большим потенциалом, но при этом являются природными антагонистами. Проще говоря – терпеть друг друга не могут, инстинктивно. Каждый раз, когда они встречаются в схватке, их силы возрастают. При правильном сталкивании лбами и страховке, оба юнца к 15-18 годам набирают немалую мощь, созревая для сбора «урожая». А именно – потомства. Сценарий выверен сотни лет назад – и «Герой» и «Князь Демонов» обзаводятся гаремами из пяти-шести, а в некоторых случаях и целого десятка красивых девушек. Естественно, «совершенно случайным образом». После «финальной битвы»,

в ходе которой один из них обязан умереть, выживший «уходит на покой», если это так можно назвать.

– Окончание ритуала не представляет из себя ничего интересного, Эмберхарт-кун, – развел руками директор, – Князь Тьмы удаляется со своими девами в один специальный древний замок, где вскоре умирает от перегрузки организма темными энергиями, Герой же теряет духовную энергию иным способом, становясь вялой и бесхарактерной личностью, доживающей остаток лет где-нибудь в провинции. Счастливые девы возвращаются с потомством, имеющим очень большой потенциал, в лоно семьи. Счастливый конец.

– Только проблема в том, что в этом поколении Князь Тьмы вами найден не был, и мне предлагается попробовать его... «заменить», – протянул я, приблизительно уже видя схему хитрых японцев. Конкретнее, мне предлагалось не заменить одну из главных фигур ритуала, а, пользуясь некоторым нашим с «князем» предположительным родством, заставить проснуться потенциал его оппонента.

– Грубо говоря – да, – сделал извиняющееся лицо директор, – У кланов и родов уже кончились идеи, где найти инкарнацию Князя. Поэтому мы надеемся, что ты, как потомок Эмберхартов, сможешь... «расшевелить» Таканаши Кея. Пока что он обычный японский школьник-простолудин... а ждать еще двадцать лет нам бы не хотелось. Категорически. Более того, Эмберхарт-кун, мы не сможем позволить Таканаши-куну прожить обычную жизнь. Его потенциал никуда не делся, он Герой... поэтому, если ты не справишься, его убьют.

– Последнее меня совершенно не касается, – отрезал я, – Итак, мне предстоит вырастить тигра, дергая его за усы, пока он будет не достаточно зол и свиреп, чтобы осеменить ваш палисадник. О каком боевом потенциале мы вообще ведем речь? С чем-нибудь можно сравнить Героя, вошедшего в силу? Если получится, то, что потом? Мне потребуется умереть?

Директор сказал «О!» и выложил на стол крупную серебряную брошь с темно-зеленым непрозрачным камнем.

– Этот амулет тайно хранился в семье Таканаши, настраиваясь на биоритмы Кей-куна. Ты можешь по нему увидеть, насколько далеко зашел прогресс. В оптимальном спектре камень будет сиять ровным молочным цветом. Весь, – дал инструкции директор Суга, а потом немного замялся, – Что насчет потенциала... его боевые способности будут где-то на порядок выше, чем у Инамори Мию. Кажется, ты видел, как она наказывает Хинабоши-куна...

Я тяжело сглотнул. По собственным ощущениям, та волчья призрачная голова могла бы «наказать» и целый легкий танк... насмерть. Не немецкий «Крайнз-3», конечно, а старую тарантайку поляков, вроде «Юзели», с щелями в палец... но это же маленькая девочка! В маленькой юбочке!

Возможно, мне понадобится силовой доспех. И отряд телохранителей.

И легкая авиационная пушка под ручное ношение. Ах, черт, я же аристократ.

...интересно, существуют ли авиационные пушки с револьверным барабаном?

Ну, хоть помирать не надо, директор успокоил. Я же не настоящий.

Глава 6

Следующий день, знаменовавшийся началом обучения, принес мне серьезное облегчение. Мысль о том, что я попал в окружение безумных энергетических монстров, способных чихом сметать горы, пропала совершенно. О, эти дети с разноцветными волосами были удивительно могущественны, формируя странными жестами и словами различные формы убийственной энергии для поражения цели! Но при этом – безнадежно энергетически искалечены. Каждая клановая «школа», «стиль», родовые техники и секреты не просто поглощали очень солидный кусок времени жизни японских аристократов, но и намертво корежили их ауру строго под свои нужды и требования. Результат – дети, умеющие зажарить слона, но не имеющие шансов его встретить. Зато престиж...

– Эмберхарт-кун, вот твоя анкета, – мне был вручен желтоватый листок с перечнем собранных обо мне данных, где имели интерес лишь две строчки «Мощь – F–, Контроль – S++ +». Замечательно. Я улыбнулся, сворачивая листок и запихивая во внутренний карман. То же самое проделал косящий на меня Распутин, в то время, как большинство остальных учеников радостно тыкало друг другу под нос своими сокровенными данными.

Первый учебный день был насквозь вступительным. Сначала мы, не делясь на классы, проходили испытания и тесты по личной силе. Потом следовал медосмотр, лекция для мужской части новых студентов о нормативах поведения во время Бури, распределение по классам, получение учебников и расписания, краткий экскурсионный тур по всем зданиям Якусейшо, обед и остаток дня на обживание своих комнат. В каждую из комнат общежития заселялось по два человека – у девочек и мальчиков были разные здания. Распутину поселили отдельно – Евгению было суждено жить одному, как «особо крупному». Этим его привилегии не заканчивались – верзиле склепали отдельную парту под его формат и даже разрешили приходить в столовые академии со своим набором тарелок и столовых принадлежностей.

– Господа! – резко, отрывисто и по-военному начал лекцию наш преподаватель боевой подготовки, – Я искренне надеюсь, что вы, как совершеннолетние аристократы, понимаете необходимость вашего непосредственного участия в защите Японии от последствий эфирных Бурь! Все вы, как урожденные жители этой страны, так и ее гости, были изначально уведомлены о том, что вам придется принимать участие в городских операциях! Поясню для тех, кто не до конца осознал или же забыл простую истину – Вам. Придется. Сражаться. Вам. Придется. Убивать. Это – ваш долг!

Вряд ли бы кто-то из молодых аристократов мог бы забыть столь обременительную обязанность. Каждому из нас с детства вбивают специфику энергетической структуры этого мира.

Есть то, что многие называют Иггдрассилем, деревом, на котором растут миры, но в этой реальности популярная обратная теория – о Великой Реке. Из мира идет отток поживших душ и приток свежих, невинных. Пожившие попадают в основное течение, где барахтаются в сияющем свете и постепенно лишаются воспоминаний, личности и другой требухи, готовясь «приплыть» в новый мир и воплотиться. Разные «листья» этого дерева означают различные планы или «заводы», где дохлые души могут пройти предварительную обработку. К таким планам может относиться что угодно – Свет, Огонь, Ад, Тень... не суть важно. А важно то, насколько близко «висит» мир по отношению к основному течению Реки. Наш висит близко, поэтому у нас тут есть эфир, странная и гибкая энергия, умеющая отвечать на желания разумного.

Минусы такого соседства в том, что сама Река... не очень спокойна, поэтому до мира часто долетают «брызги», воплощающиеся в виде эфирных Бурь.

Чем плохо это явление? Многим. Сходят с ума тонкие приборы, бесятся духи, демоны и прочая нечисть, опьяненные притоком бесплатной силы, буйствуют химеры и гомункулы, но самое главное – приходят телокрады. Напор эфирной Бури ослабляет связь духа и тела, особенно у простолюдинов без жизненного опыта, особенно – испытывающих эмоциональный упадок. Это не вызывало бы особых проблем, если бы вместе с Бурей не приходили души умерших разумных, вцепляющиеся в живых и «выталкивающие» законных владельцев тела.

Именно здесь в игру вступают даже пятнадцатилетние аристократы. Войти во время Бури в дом, визуально светясь своей тренированной аурой, подтверждающей твое право на действие, подняться в спальню какого-то несчастного, в которого вселился вор – и выпустить ему пулю в голову. Или зарубить мечом, или сжечь на месте... без разницы. Вот, в принципе, и вся суть лекции, которую нам сейчас вдалбливает в голову Наото Йошинари, суровый, жилистый и много чего повидавший японец, без явных признаков чуждой человеку крови в жилах.

Этим занимаются все знатные люди на планете – патрулирование, отстрел телокрадов, защита гражданских от опьяненной эфиром нечисти. Объединенные Американские Полисы около тысячи лет назад, после особо опустошительной местной войны, решили собирать телокрадов в колонии, надеясь поднять свой научный потенциал. Что в итоге? Северную и Южную Америку лихорадило всю эту тысячу лет, они утратили абсолютно все свои старые династии и по-прежнему поражены демократией, впившейся в эти два континента как бессмертная пиявка. Я читал, что Европа несколько раз совместно обсуждала перспективу тотальной зачистки обоих Америк, но ограничились изоляцией. Этот мир сильно обжегся на глобальных войнах. С демократами даже потихоньку торговали, но только через специальные порты, управляемые китайцами.

К счастью, мертвые души могут навестись лишь на очень большое скопление живых людей, которые проживают в крупных городах. В хабитатах, укутанных зелеными насаждениями, даже в зимние времена года – телокрадов не бывает.

Я подкинул в руке револьвер, скорчил максимально недовольную гримасу, откинул барабан. Здоровенные патроны как бы не .45-го калибра. Оружие грубой штамповки, почти не шлифованное, баланс ужасен. Пришла в голову мысль, что им куда удобнее забить телокрада рукоятью насмерть, чем рисковать своим запястьем в попытке выстрелить.

– В чем дело, Эмберхарт-кун? Никогда не держали в руках револьвера? – волшебным образом нарисовался возле меня Йошинари, рассматривая мою персону сквозь недобрый прищур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.